

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Москва, Кузнецкий М., 7. Телефоны: { Редакция 1-23-99,
Копторы 2-80-42.

Подписная цена на год	11 р. 50 к.
" " " полгода	6 р. — к.
Для судработников при подписке на год	8 р. 50 к.
" " " " " полгода	4 р. 80 к.

№ 50

17 декабря 1926 года.

№ 50

Предстоящая большая кампания.

(К перевыборам нарсудей и нарзаседателей на 1927 г.).

Губернские, областные и краевые суды приступают к перевыборам народных судей и народных заседателей на предстоящий 1927 г.

В связи с этими переизборами НКЮ обратился ко всем судам со специальным циркуляром, указывающим на те задачи, которые должны быть разрешены в предстоящую кампанию в отношении как народных судей, так и народных заседателей.

Настоятельно необходимо, чтобы в результате этих переизборов мы получили такой состав судебных работников, который был бы в состоянии обеспечить правильное проведение судебной политики пролетарского государства по уголовным и гражданским делам.

Статистика последнего времени показывает, что народный суд является действительно рабоче-крестьянским судом по своему социальному составу, с весьма значительной партийной прослойкой. Рабоче-крестьянский остов нашего судебного аппарата почти на девять десятых состоит из рабочих и крестьян, и больше чем на четыре пятых принадлежит к партии, стоящей во главе политической жизни страны.

Масштаб работы народного суда, как известно, беспрерывно растет, особенно в области разрешения гражданских дел. В течение минувшего года в народные суды РСФСР поступило около 3.000.000 дел, при чем 55% этого количества составляли гражданские дела. Приблизительно 85% приговоров и решений народных судов вступает в законную силу без великого обжалования. Из числа обжалованных и рассматриваемых кассационными инстанциями дел в среднем отменяется около 30% приговоров и около 40% решений. Такая норма отмены приговоров и решений народа слишком высока, и мы во что бы то ни стало должны добиться ее снижения.

С каждым днем осложняется обстановка работы народного суда. Его судебная компетенция расширяется. Гражданские процессы, отличающиеся значительно большей трудностью и сложностью, растут в связи с общим темпом развития гражданско-правовых отношений.

Все это вместе взятое действительно требует повышения квалификации народных судей. Вместе с тем материалы, которыми располагает НКЮ, заставляют думать, что при избрании народных судей не уделяется всего необходимого внимания подбору соответствующих кандидатов. Очень часто выдвигаются лица, недостаточно подготовленные к выполнению тех функций, которые лежат на народных судьях, недостаточно знакомые с нашим законодательством и особенно с законодательством, касающимся вопросов гражданского права.

В результате такого отношения к подбору кандидатов в народные судьи, во многих губерниях РСФСР наблюдается в последнее время совершенно недопустимая текучесть состава народного суда.

Недостаточно внимательно подобранные народные судьи обнаруживают, естественно, довольно скоро свою неподготовленность к работе, вследствие чего их приходится отзывать с занимаемых должностей и избирать на их место новых кандидатов.

Мы вынуждены лишний раз напомнить губернским судам, что Положение о судоустройстве ставит определенные и всем хорошо известные условия занятия должностей народных судей. Закон требует определенной подготовки, и нужно решительно стремиться к тому, чтобы в народные судьи не избирались лица, которые требованиям закона не удовлетворяют.

Судебный стаж является одним из серьезнейших требований, которое должно в этом году выполняться значительно больше, чем в предыдущие годы. Мы еще год тому назад указывали на недостаточный стаж народных судей, как на крупнейший дефект нашей работы. Мы тогда указывали, что в составе народных судей лиц со стажем свыше 3-х лет имеется всего около 30%, что этот процент безусловно низок, особенно имея в виду, что наши народные судьи специальною юридической подготовки не получили и получить не могли.

Но о каком судебном этапе может идти речь, если народные судьи так часто и местами так лихорадочно сменяются? А лихорадочно их приходится сменять, главным образом, потому, что они не соответствуют своему назначению.

С неустойчивостью состава нашего народного суда необходимо, наконец, в предстоящую переизборную кампанию повести самую решительную борьбу и во что бы то ни стало добиться его стабилизации.

Мы считаем излишним еще раз специально упоминать о том, что в состав суда должны быть втянуты в достаточном количестве женщины-работницы и крестьян.

Если большое внимание в предстоящей кампании должно быть уделено подбору народных судей, то не меньше, пожалуй, внимания заслуживают переизборы народных заседателей. Все наши судебные работники прекрасно знают, какое политическое значение Партия и Советская власть придают институту народных заседателей. Они знают, как В. И. Ленин по разным поводам и в различные моменты отзывался об институте народных заседателей. В «Правде» от 5 января 1918 г. Владимир Ильич писал: «Мы требуем постоянной смены заседателей, чтобы суд был действительно народным, т.-е. всегда имел теснейшую связь с народной жизнью». В настоящее время в организационном участии нар-

заседателей в работе суда мы имеем лучшую гарантию против отрыва суда от обслуживаемых им рабоче-крестьянских масс.

Институт народных заседателей привлекает к судебной деятельности, а через нее и к государственному управлению, широкие массы трудящихся, и является вследствие этого школой пролетарской политики.

Как В. И. Ленин связывал участие в судебной работе с привлечением рабочих и крестьян к управлению государством? В XV томе собр. соч. В. И. Ленина мы находим в докладе «Об изменении партийной программы и названия партии» следующие его слова: «Советская власть есть аппарат для того, чтобы массы начали немедленно учиться управлению государством и организации производства в общенациональном масштабе», а через несколько строк, развивая ту же мысль, Владимир Ильич говорит: «Нам нужно судить самим. Граждане должны участвовать поголовно в суде».

В апреле 1918 г. в статье «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин пишет: «Суд есть орган привлечения именно бедноты поголовно к государственному управлению, ибо судебная деятельность есть одна из функций государственного управления, суд есть орган власти пролетариата и беднейшего крестьянства, есть орудие воспитания к дисциплине».

Все это наши судебные работники хорошо знают, как хорошо знают они и исключительно важное значение, какое имеет привлечение к участию в суде в качестве народных заседателей женщин-работниц и крестьянок.

Мы уже не один раз указывали на то, что это привлечение необходимо, во-первых, в целях поднятия общекультурного уровня и привлечения к строительству новой жизни самих трудящихся женщин, и, во-вторых, что по целому ряду судебных дел, как, напр., по делам о семейно-имущественном разделе, об алиментах и проч., участие в суде женщины вообще и женщины крестьянки, в частности, имеет большое практическое значение в смысле обеспечения наиболее правильного разрешения этих судебных дел. Надо к этому прибавить, что участие женщин чрезвычайно полезно при рассмотрении бытовых уголовных преступлений, борьба с которыми, как, напр., с хулиганством, представляет собою одну из наших серьезных задач, поскольку эти бытовые преступления препятствуют нормальному ходу общего советского и социалистического строительства.

Вместе с тем, если мы обратимся к сравнительной таблице состава нарзаседателей преимущественно народных судов за последние годы, то мы увидим, что как в отношении социального положения нарзаседателей, так и в отношении партийности никаких особых требований для предстоящего года нам выдвигать не приходится. По социальному положению рабочие и крестьяне среди нарзаседателей составляли вместе за последние три года в среднем около 80%. Стало-быть, социальный состав нарзаседателей должен быть признан вполне подходящим для разрешения тех сложных задач, которые стоят перед народными судами в смысле проведения правильной судебной политики, соответствующей общим целям и задачам советского государства.

Нет ничего удивительного в том, что около 80% нарзаседателей за последние три года принадлежат к беспартийной массе трудящихся. Наше внимание все время направлено к тому, чтобы привлечь в состав нарзаседателей беспартийных крестьян из бедняцких и середняцких слоев.

Повторяем, в этих двух основных отношениях не представляется необходимым давать какие-либо новые указания. Но, что касается участия женщин в работе суда, то несмотря на все инструкции, которые НКЮ непрерывно давал на

протяжении последних лет, мы не можем до сих пор в этой области констатировать достаточных завоеваний и вынуждены к этому вопросу привлечь особое внимание мест в предстоящей кампании. Мы прекрасно понимаем, что есть еще немало серьезных объективных препятствий, которые не дают возможности женщине-работнице, в особенности, крестьянке, в полной мере заниматься общественной деятельностью. Это имеет глубокие корни в далеком прошлом и связано с закрепощением женщины, которое продолжалось веками. Это связано также и с современной нашей экономикой. Все-таки резко бросается в глаза, что среди судей женщин меньше, чем в других органах Советской власти. Конечно, последнее замечание не касается института нарзаседателей, где их несомненно больше, но ведь в качестве нарзаседателя женщина работает только в течение нескольких дней в году. И в этой области работы, имеющей громадную воспитательную роль, достижения последнего года по привлечению работниц и крестьянок никак нельзя признать удовлетворительными. В самом деле, среди 543.700 нарзаседателей, избранных на 1926 г. по 52 губерниям и областям, имеется всего 102.146 женщин, что составляет 18,8%. Правда, в 1925 г. женщин было еще меньше (15%), а в 1924 г.—13,7%, так что некоторый рост привлечения женщины в качестве нарзаседателя безусловно имеется. Но можно ли его признать достаточным? Мы думаем, что никоим образом нельзя. Если, с одной стороны, учесть те материальные условия, в которых женщина находится как в городе, так и в деревне, если иметь в виду и то обстоятельство, что женщина не могла еще освободиться от последствий векового закрепощения, но при этом принять во внимание, что у нас женщин в Республике значительно больше, чем мужчин, то достигнутый процент участия женщин в качестве нарзаседателей нам ни в коей мере не может дать удовлетворения.

Мы еще год тому назад говорили, что следует добиваться участия женщин в качестве нарзаседателей приблизительно в размере 30—40% общего их количества. Мы еще не добились такого результата, но мы должны его добиться в текущем году во что бы то ни стало. По-моему, надо поставить себе это задачей для предстоящей кампании с тем, чтобы она была целиком выполнена и чтобы, таким образом, в этом вопросе, наконец, был произведен уже тот резкий перелом, тот решительный сдвиг, о котором мы уже говорим в течение нескольких лет, но которого мы еще далеко не добились.

Необходимо также, чтобы в предстоящую кампанию нарзаседателей было избрано достаточное количество представителей национальных меньшинств, что особенно должно найти себе отражение в автономных областях со значительным количеством населения из национальностей.

Предстоящая перевыборная кампания должна быть нами широко использована, как кампания просветительная, чтобы популяризировать организацию нашего суда, основные особенности нашего советского права и значение института нарзаседателей. В докладах, которые будут делаться на избирательных собраниях, следует обращать внимание на то, что нарзаседатели участвуют во всех судебных процессах, за исключением небольшого количества мелких дел, не представляющих общественного интереса и рассматриваемых поэтому народным судьей единолично, и проводить параллель между нашими нарзаседателями и так называемыми присяжными заседателями буржуазных стран, указывая на то, что наши нарзаседатели участвуют в разрешении не только уголовных, но и гражданских дел, тогда как в подавляющем большинстве современных буржуазных стран гражданские дела разрешаются только постоянными судьями-профессионалами; что наши народные заседатели

участвуют во всем судебном процессе от начала и до самого его конца, принимая участие в вынесении судебного приговора или решения, тогда как в буржуазных странах так называемые присяжные заседатели допускаются к разрешению только вопроса о том, виновен или не виновен подсудимый, но никакого участия в вынесении приговора не принимают.

Надо широко популяризовать ту мысль, что народные заседатели являются полноправными участниками судебного процесса, будучи снабжены полностью теми же функциями, что и постоянные народные судьи, и что без народных заседателей нет и быть не может рабоче-крестьянского суда по делам, связанным с повседневной жизнью широких масс трудящихся.

Обращаем при этом внимание судебных работников на то, что новое Положение о судостроительстве даже формально рассматривает нарзаседателей, как необходимую составную часть суда, и именует нарзаседателей «переменным составом суда»; что этим же Положением о судостроительстве нарзаседатели во время исполнения своих судебных обязанностей приравниваются к нарсудьям и наравне с ними несут дисциплинарную и уголовную ответственность за проступки и преступления, совершенные в связи с исполнением их обязанностей. Новое Положение о судостроительстве хотело этим сказать, что нарзаседатели те же судьи, что и постоянные нарсудьи, с той лишь разницей, что они судят поочередно и только несколько дней в течение года.

Судебные работники должны также иметь в виду, что новое Положение о судостроительстве вводит порядок избрания заседателей народного суда на общих собраниях трудящихся, созываемых фабзавками, воинскими частями и войсковыми командами. Судебным работникам известно, что на практике эта форма составления списков нарзаседателей применялась уже в ряде губерний и раньше, будучи предусмотренной циркуляром НКЮ. Но в настоящее время она стала законом и является поэтому безусловно обязательной. В связи с этим к выборам нарзаседателей в текущем году надо относиться сугубо внимательно, при чем особенно ответственная задача ложится на сельские организации, которые обязаны приложить все усилия к тому, чтобы в народные заседатели выбирались передовые и наиболее политически грамотные крестьяне из бедняцких и середняцких слоев, ибо только такой состав нарзаседателей в деревне в состоянии усвоить классовые основы пролетарского суда и вместе с постоянными судьями проводить правильную классовую линию.

Закон не разрешает, и правильно делает, исключать неграмотных из числа нарзаседателей, но по мере возможности надо стремиться к тому, чтобы в нарзаседатели проходили грамотные рабочие и крестьяне. Такое требование вытекает из существа работы суда, в которой нарзаседатели встречаются с необходимостью знакомиться с производством по судебному делу, с имеющимися в нем документами и т. д. Если нарзаседатель по неграмотности не может лично с этим материалом ознакомиться, он поневоле не будет проявлять достаточной активности, что неизбежно должно отразиться неблагоприятно на правильности разрешаемых при его участии вопросов. Поэтому настоятельно необходимо, чтобы нарзаседатели по преимуществу избирались из трудящихся грамотных. Но абсолютно и безусловно необходимо осуществить требование, чтобы избираемые нарзаседатели были политически грамотны, т. е. умели в общем разбираться хотя бы в основах нашего права и государства и могли связывать те решения, которые с их участием выносятся, с общей политической и экономической жизнью страны.

Что же нужно сделать для того, чтобы открытие собрания трудящихся выбирали наиболее активных и сознатель-

ных, наиболее политически развитых, наиболее житейски опытных рабочих и крестьян? Мы думаем, что мы получим тем более активный состав нарзаседателей, чем больше мы разовьем свою выборную кампанию, чем шире и глубже мы будем популяризировать стоящие перед судом задачи. С этой точки зрения полезно, чтобы, во-первых, на избирательных собраниях нарзаседатели прошлого года по возможности отчитывались перед своими избирателями, освещая ту судебную работу, участниками которой они были; во-вторых, чтобы на этих избирательных собраниях нарсудьи и другие судебные работники делали общие доклады о нашей судебной системе и о характере советского права; в-третьих, чтобы эти избирательные собрания были использованы для широкого разъяснения начал революционной законности на основе постановлений, которые были вынесены по этому вопросу XIV Партийной Конференцией и III Всесоюзным Съездом Советов. Этим мы, несомненно, усилим активность выборных собраний и побудим рабочих и крестьян выдвигать из своей среды в нарзаседатели наиболее активных, более или менее умеющих ориентироваться в наших законах и располагающих хотя бы общим представлением об основных принципах советского строя.

Конечно, мы не проведем успешно этой большой и ответственной кампании по перевыборам нарзаседателей, если этой кампании не будет уделено достаточно внимания со стороны советских и партийных органов; если с их стороны не будет оказано необходимое содействие в смысле использования, в частности, органов печати для разъяснения политического значения предстоящей кампании, которая сама по себе чрезвычайно важна, как содействующая укреплению основ революционной законности, и, кроме того, целиком укладывается в общую работу по оживлению всего советского аппарата, которую мы уже ведем в течение двух лет. Совершенно очевидно, что наша государственная организация переходной эпохи, прежде всего, отличается тем, что мы к делу управления страной привлекаем, и чем дальше, тем все больше и больше будем привлекать, организованные массы трудящихся. А институт нарзаседателей и есть именно такой аппарат, который целиком обслуживается рабоче-крестьянскими массами. Точно также совершенно очевидно, что укрепление основ революционной законности—одно из важнейших условий успеха дальнейшего советского и социалистического строительства. Недаром резолюция III Съезда Советов о твердом проведении основ революционной законности говорит об институте нарзаседателей, требуя вовлечения в состав последних беспартийных активных крестьян из бедняков и середняков.

Мы несколько не сомневаемся в том, что местные органы Советской власти, равно как и местные партийные комитеты, своевременно и полностью придут на помощь судебным работникам и не только окажут им содействие в проведении предстоящей перевыборной кампании, но и возьмут всю эту кампанию, как кампанию, имеющую исключительно важное политическое значение, под свое руководство и наблюдение.

Губернские, областные и краевые суды при помощи партийных и советских органов должны будут приложить все усилия к тому, чтобы избирательные собрания проводили наиболее организованно и привлекали возможно большие массы избирателей, чтобы на этих избирательных собраниях в достаточной мере было обеспечено активное участие членов нашей Коммунистической Партии и Коммунистического Союза Молодежи.

Исключительное значение предстоящих перевыборов нарсудей и нарзаседателей повелительно требует от местных органов Партии и власти, чтобы эти перевыборы в текущем году никоим образом не были отодвинуты на

задний план, как это отчасти в некоторых губерниях имело место в предыдущие годы.

Кампания по перевыборам народных судей проходит одновременно с кампанией по перевыборам народных заседателей. Эти две кампании тесно и неразрывно между собой связаны, составляя в сущности одну общую большую кампанию. Соответствующий состав постоянного суда должен быть достигнут в текущем году одновременно с активным составом народных заседателей. Это необходимо для того, чтобы наш суд был действительно тем судом, о котором В. И. Ленин в 1918 г. писал, как об «орудии воспитания на прочных основах социалистического общества». «Пусть кричат, — читаем мы у Владимира Ильича, — что мы, не реформируя старый суд, сразу отдали его на слом. Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда и не столько силою репрессии, сколько примером масс, авторитетом трудящихся, без формальностей, из суда, как орудия эксплуатации, сделали орудие воспитания на прочных основах социалистического общества».

Я. Бранденбургский.

Новое Положение о судостроительстве *).

IV.

Раздел, касающийся государственной прокуратуры, в основном повторяет положения, установленные ранее. Государственная прокуратура строится, как единый аппарат, охватывающий в своей деятельности всю РСФСР. Новое Положение уточняет взаимоотношения между Прокурором РСФСР и прокурорами автономных республик. Последние (являясь в то же время, подобно Прокурору РСФСР, народными комиссарами юстиции соответствующих автономных республик) избираются ЦИК'ами АССР и осуществляют в пределах этих республик все права, предоставленные Прокурору РСФСР. Но в области надзора за соблюдением законов СССР и РСФСР прокурор автономной республики обязан выполнять все распоряжения Прокурора РСФСР; в случае протеста ЦИК автономной республики вопрос переносится на разрешение Президиума ВЦИК (ст. 150). Вместе с тем прокуроры автономных республик, представляя отчеты о своей деятельности в ЦИК своей республики, должны копии этих отчетов направлять Прокурору РСФСР (ст. 172), который представляет Президиуму ВЦИК отчет о деятельности прокуратуры по всей РСФСР, включая и автономные республики (ст. 67). К числу функций прокуратуры, помимо тех, которые были указаны в ст. 78 старого Положения, новое Положение относит дачу заключений по уголовным делам в кассационных инстанциях, участие в гражданском процессе в целях ограждения интересов государства и трудящихся, наблюдение и согласование деятельности всех органов, ведущих борьбу с преступностью (ст. 59). Новое Положение вводит непредусмотренную ранее текстом закона должность заместителя губпрокурора (ст. 62). Если старое Положение о судостроительстве указывало, что прокурор имеет право присутствовать с совещательным голосом на заседаниях местных исполкомов, то новое Положение предоставляет право прокурору присутствовать с правом совещательного голоса и на заседаниях местных исполкомов и на заседаниях всех других органов власти и учреждений, действующих в пределах территории, на которую рас-

пространяется его деятельность (ст. 71). Новое Положение определяет права прокуратуры по истребованию необходимых ему сведений в отношении всех вообще прокуроров, а не только губпрокурора (ст. 91 старого Положения). Оно устанавливает, что прокурор вправе требовать от всех действующих в пределах территории, на которую распространяется его деятельность, органов власти РСФСР, учреждений, организаций и лиц представления ему всех необходимых для выполнения его обязанностей сведений и материалов, каковые требования являются обязательными к исполнению.

У.

В отношении местных органов юстиции, выше не упомянутых, новое Положение вводит следующие изменения.

Глава о следователях устанавливает правило, по которому число участков народных следователей (подобно тому, как было отмечено выше о числе участков нарсуда) определяется губисполкомом по представлению губсуда, согласованному с губпрокурором. НКЮ сети участков нарследователей не утверждает, и за ним сохраняются те же права, что и в отношении сети участков нарсуда, т.-е. он имеет право требовать от губисполкома пересмотра этой сети и установления минимального числа участков нарследователей (ст. 75). Таким образом, права местных органов в отношении сети участков нарследователей новым Положением расширены. Лица, осужденные за корыстные или порочащие преступления или исключенные из общественных организаций за порочащие проступки, по новому Положению могут быть назначены на должность нарследователей лишь при условии их реабилитации (ст. 74).

Глава о коллегии защитников, по сравнению с соответствующей главой старого Положения, значительно более подробно определяет правила, касающиеся организации и деятельности этой коллегии. Правда, значительное число этих правил действовало и ранее, но определялось не законом, а инструкцией НКЮ, именовавшейся «Положением о коллегии защитников». Прежде всего необходимо подчеркнуть весьма существенное нововведение. Ст. 80 нового Положения устанавливает, что число членов коллегий защитников ограничению не подлежит. Этим самым пресекается всякая возможность для местных органов, в частности губисполкомов, губсудов и президиумов коллегий защитников, устанавливать комплект коллегий защитников данной губернии, и всякое лицо, удовлетворяющее требованиям, необходимым для вступления в число членов коллегии защитников, имеет право на включение в число членов этой коллегии, совершенно независимо от того, сколько членов коллегии защитников в данный момент в ней состоит, разумеется, при условии, что губисполком не заявит против него отвода. В отношении приема в коллегию защитников новое Положение вводит правило, что отказ в приеме может быть обжалован в губисполком, который, рассмотрев эту жалобу, сам решает вопрос о зачислении данного лица в коллегию защитников (ст. 82). Старое Положение этого вопроса не касалось вовсе, а инструкция НКЮ от 5 июля 1922 года предоставляла право губисполкомам лишь направлять вопрос на вторичное рассмотрение в президиум коллегии защитников. Новое Положение в этом отношении вполне согласовано с «Основами судостроительства Союза ССР и союзных республик», которые устанавливают, что исполнение коллегий защитников производится под контролем губисполкомов (ст. 18), а, следовательно, последние должны иметь возможность не только заявить отвод против любого кандидата, принятого в эту коллегию, но и включать в состав коллегии лицо, которому неправильно отказано в приеме

*) См. № 48 „Е.С.Ю.“.

В коллегию защитников, несмотря на то, что оно вполне удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к кандидатам в члены этой коллегии. Аналогичное правило имеется и в новом Положении о судостроительстве Украинской ССР (ст. 30—31. У. Раб.-Кр. Пр-ва Украины, 1925 г., № 92—93). Старое Положение для принятия в коллегию юриста-консультанта государственного или государственного предприятия требовало специального разрешения губсуда на основании ходатайства того учреждения или предприятия, в котором служит данный юрист-консультант. Новое Положение таких требований для юристов-консультантов государственных предприятий не ставит (ст. 83 п. 3), и они имеют право на вступление в коллегию на общих основаниях. Весьма важное значение имеет специальная статья Положения о судостроительстве, требующая, чтобы каждый член коллегии защитников, под угрозой исключения из ее состава, выполнял обязанности по бесплатной защите по уголовным и гражданским делам, на основании предложений суда или по назначению президиума коллегии защитников, а также участвовал в организованных президиумом этой коллегии консультациях по оказанию юридической помощи населению. Новое Положение определяет права общего собрания членов коллегии защитников, более подробно указывает функции президиума, а равно уездных бюро защитников (ст. ст. 85—87). Но останавливаться на содержании соответствующих статей является излишним, поскольку оно в значительной мере совпадает с правилами, изложенными в инструкции НКЮ 5 июля 1922 года. Право обжалования постановлений президиума коллегии защитников по дисциплинарным делам новое Положение предоставляет не только привлеченным к ответственности членам коллегии защитников, лицам, по жалобе которых возникло дисциплинарное производство, и прокурору, но и председателю губсуда, исходя, очевидно, из того соображения, что, поскольку коллегии защитников является учреждением, стоящим при губсуде и действующим под надзором последнего, председатель губсуда не может оставаться безучастным зрителем, если находит, что решение президиума коллегии по дисциплинарному делу явно несправедливо. Оплата труда членов коллегии защитников, по новому Положению, производится по таксе НКЮ не только в тех случаях, когда защитники ведут дело рабочего или служащего, но также и тогда, когда их подзащитным или доверителем являются крестьяне или кулаки, не пользующиеся наемным трудом, а равно при защите по назначению, при чем в последнем случае оплата вознаграждения производится не самому защитнику, а в особый фонд коллегии защитников. Правильно старого Положения, что лица, признанные судом неспособными, от всякой уплаты вознаграждения как по уголовным, так и по гражданским делам освобождаются, сохранено в полной неприкосновенности (ст. 89).

В отношении судебных исполнителей новое Положение о судостроительстве вводит деление их на состоящих при губернских судах, и потому содержимых на госбюджете, и на состоящих при народных судах, и потому содержимых на местном бюджете (ст. 92). Число тех и других определяется штатами.

Некоторой переработке подверглась глава о гос. нотариате.

Гос. нотариальные конторы, состоящие в ведении губернских судов, по новому Положению, действуют под руководством президиума губсуда, а не его председателя, как было ранее. Ближайшее руководство и направление деятельностью нотариальных контор, а также выполняющих нотариальные действия народных судей волостных и сельсоветов, осуществляются нотариальными отделениями губернских судов (ст. 97). При этом новое Положение о судостроительстве допускает, что в тех губерниях, где число нотариальных контор велико, нотариальные

отделения не открываются, и все их обязанности выполняются председателем губсуда или одним из членов губсуда по поручению президиума губсуда (прим. к ст. 97). Статья старого Положения (прим. 2 к ст. 52), определяющая, в каких местностях и в каких пределах нотариальные функции могут осуществляться иарсудами, исключена, т. к. содержание этой статьи не разрешало никаких организационных вопросов. Соответствующие правила помещены в новом Положении о нотариате. Должности нотариусов, согласно нового Положения, могут занимать лишь лица, имеющие право быть избранными в народные суды и выдержавшие соответствующее испытание (ст. 98). В целях усиления надзора со стороны НКЮ за деятельностью нотариальных отделений заведующий нотариальным отделением губсуда назначается, по представлению председателя губсуда, НКЮ (ст. 99). В отличие от старого Положения, которое предоставляло право утверждения смет нотариальных учреждений пленуму губсуда, новое Положение права по утверждению смет из ведения губсудов изымает: сметы нотариальных учреждений утверждаются НКЮ РСФСР по соглашению с НКФ РСФСР (в автономных ССР НКЮ этих республик по соглашению с НКФ этих республик), на основании вырабатываемых указанными наркоматами норм расходов нотариальных учреждений (ст. 101).

В новое Положение включена специальная глава о судебных переводчиках. Этот вопрос ранее регулировался специальным Положением о судебных переводчиках, утвержденным СНК РСФСР 20 июня 1924 года («С. У.» 1924 г. № 56, ст. 553). Практика показала, что судебных переводчиков почти ни в одном губсуде не имеется. В большинстве случаев работа, лежащая на переводчиках, далеко не отнимает у них всего служебного времени, почему совершенно нерационально содержать специальное лицо для выполнения функций переводчика. Новое Положение о судостроительстве предоставляет возможность судебным переводчикам занимать любые должности по найму в государственных, общественных, кооперативных учреждениях и предприятиях и у частных лиц. Они не могут занимать только должностей в органах советской юстиции, но и то, кроме должности нотариуса (ст. 104). Зарплаты судебные переводчики не получают. Их работа будет оплачиватьсядельно по особой таксе, утверждаемой СНК РСФСР (ст. 107).

VI.

В отношении организаций и деятельности Верховного Суда РСФСР новое Положение вносит следующие изменения. Не только Председатель Верховного Суда, его заместитель и председатели судебных коллегий, но и председатели кассационных коллегий утверждаются непосредственно президиум Верховного Суда имеет право не только утверждаются Президиумом ВЦИК по представлению Народного Комиссара Юстиции, при чем новое Положение требует, чтобы это представление было согласовано с Председателем Верховного Суда (ст. 177). Новое Положение вводит правило, согласно которого член Верховного Суда должен удовлетворять требованиям, необходимым для занятия должности председателя губсуда. Оно значительно расширяет права президиума Верховного Суда. В частности, президиум Верховного Суда имеет право не только рассматривать вопросы об отмене и изменении в порядке надзора приговоров, решений и определений коллегий Верховного Суда и любого суда Республики, с передачей постановлений президиума на утверждение пленума Верховсуда (ст. 180, п. 6), но может

при отсутствии необходимости преподания принципиального разяснения по рассматриваемому делу сам отменить в порядке надзора указанные выше приговоры, решения или определения с передачей дела на новое рассмотрение соответствующей коллегии Верховного Суда. Далее, Положение предоставляет президиуму Верховного Суда право рассмотрения вносимых Председателем Верховного Суда или Прокурором Республики (или его старшим помощником) вопросов о вхождении в Президиум ВЦИК об отмене постановлений и решений Особой Коллегии высшего контроля по земельным спорам и в ЭКОСО РСФСР об отмене постановлений и решений Высшей Арбитражной Комиссии при ЭКОСО РСФСР (п. «д» ст. 179). Постановления президиума по этим вопросам подлежат передаче на рассмотрение и утверждение пленума Верховного Суда РСФСР, который один только и может от имени Верховного Суда войти с соответствующим представлением в Президиум ВЦИК или ЭКОСО по принадлежности (ст. 180 п. «б»).

Новое Положение уточнило права Верховсуда по истолкованию законов по вопросам судебной практики. Ст. 180 (п. «а») устанавливает, что пленарные заседания Верховного Суда ведают истолкованием законов по всем вопросам судебной практики в области процессуального и материального права, возбуждаемым отдельными коллегиями Верховного Суда или отдельным составом судебного заседания той или иной коллегии, или по представлению президиума Верховного Суда, Прокурора Республики или его помощника, состоящего при Верховном Суде, а равно по представлениям пленума главных судов авт. республик, пленумов краевых, обл., губ. и окр. судов в порядке, устанавливаемом Положением; разяснения пленума обязательны для всех судебных учреждений, действующих на территории РСФСР.

Закачивая рассмотрение статей, касающихся Верховного Суда, надо отметить, что последнему в своей деятельности приходится постоянно сталкиваться с вопросами о необходимости изменения или дополнения тех или иных законов. Надо было предоставить право Верховному Суду все свои соображения передавать на рассмотрение НКЮ с тем, чтобы последний, на основании этих материалов, входил с соответствующими законопроектами в законодательный орган. В связи с этим новым Положением президиуму Верховного Суда предоставлено право выработки, на основании данных судебной практики Верховного Суда, проектов законоположений и направления их в НКЮ, а также составление заключений по тем же вопросам (ст. 179, п. «а»).

VII

Положение о судеустройстве внесло некоторые изменения в порядок дисциплинарной ответственности работников юстиции. Прежде всего, для того, чтобы устранить всякую неясность в вопросе о том, что работники юстиции не подсудны общим дисциплинарным судам, новое Положение указывает, что возбуждение дисциплинарного преследования и наложение дисциплинарного взыскания на лиц, работающих в органах юстиции РСФСР, может иметь место исключительно в порядке, установленном этим Положением (ст. 186). Это не устраняет, однако, возможности наложения дисциплинарных взысканий на технических работников органов юстиции в порядке, установленном для наложения дисциплинарных взысканий на служащих госучреждений. (прим. 1 к ст. 186). Надо полагать, что здесь имеется в виду порядок, установленный декретом от 27 янв. 1921 г. («С. У.» 1921 г. № 8, ст. 58). Выше уже отмечалось, что вопросы о возбуждении дисциплинарного преследования, согласно нового Положения, разрешаются самостоятельно

председателями судов и прокурорами. Никакой санкции пленума для возбуждения дисциплинарного преследования не требуется. Необходимо лишь отметить, что новое Положение разрешает еще один вопрос, возбуждавший целый ряд различных толкований на практике. Этот вопрос касается привлечения к дисциплинарной ответственности прокуратурой судебных работников (т.е. членов суда и присудей, но не следователей) и работников прокуратуры председателями суда. Новое Положение разрешает этот вопрос в том смысле, что до направления такого дела в дисциплинарную коллегия вопрос о возбуждении дисциплинарного преследования председателем губсуда должен быть согласован с подлежащим прокурором, а последним с председателем суда. При разногласии между названными лицами вопрос передается на разрешение Народного Комиссара Юстиции (ст. 189, примеч.). Новое Положение разрешает в положительном смысле вопрос о возможности возбуждения дисциплинарного преследования после того, как данное лицо уволено или добровольно покинуло должность, занимая которую оно совершило дисциплинарный проступок. Однако, дисциплинарная коллегия может в этих случаях отказаться от дисциплинарного преследования, если признает, что проступок указанного должностного лица по своей серьезности не мог бы повлечь запрещения работы в судебных должностях на тот или иной срок (ст. 194). Установление этого правила вполне понятно, так как иначе любое должностное лицо, совершившее довольно серьезное нарушение, которое должно повлечь запрещение ему на тот или иной срок занимать должности в органах юстиции, могло бы добровольным уходом со службы получить возможность тотчас же поступить на другую должность и тем самым избежать указанного правоограничения.

В заключение надо отметить, что новое Положение, сохраняя в общем старый порядок рассмотрения и разрешения дисциплинарных дел, увеличило срок на обжалование постановлений дисциплинарных коллегий (кроме постановлений дисциплинарной коллегии Верховсуда, которые, как и раньше обжалованию не подлежат) с 7 до 14 дней (ст. 199).

(Окончание следует).

С. Аскарханов.

Ликвидация остатков помещичьего землепользования.

Октябрьская революция произвела глубочайшие изменения и в области земельных отношений. Одним из первых декретов была отменена основа крепостнического строя — помещичье землевладение. Однако, победивший пролетариат, обратив землю в собственность государства, наряду с крестьянством предоставил право на надел земли по трудовой норме и той категории бывших помещиков, которые в то время не проявили контр-революционной деятельности.

Это великодушное к своим бывшим классовым врагам, вторичным крепостникам, особенно проявлялось со стороны значительной части крестьянства и нашло свое выражение в приговорах сельских обществ, которыми последние предоставляли отмеченной выше категории бывших помещиков (по преимуществу «мелкоте») трудовой надел, обуславливая его обработкой личным трудом.

Однако, предоставление трудового надела земли этой категории бывших помещиков диктовалось и утилитарными

целями. Исторические условия сельского хозяйства объясняют его крайне низкую технику, связанную с вековой лучшей, дедовской сохой и деревянной бороной.

Эта «техника» миллионов крестьянских хозяйств определяла степень производительности их труда и после октябрьского перелома; во всей своей неприглядности еще ярче и резче она выявлялась в сравнении с техникой помещичьих хозяйств.

Состояние культурного ведения сельского хозяйства помещиками было, таким образом, также одним из доводов за предоставление некоторой части из них трудового надела земли. Предполагалось, что агрокультура первых будет школой для крестьянского хозяйства.

В этом предположении сказалось все существо чаяний Советской власти в отношении вообще промежуточных социальных категорий населения; думалось, что культура б. помещичьих хозяйств, созданная трудом крестьянства, будет служить трудящимся массам; что культурное ведение сельского хозяйства бывшими помещиками послужит школой для крестьянства.

Однако, протекавшие семь лет строительства, по степени своего опыта, творчества новых форм жизни, титанической борьбы и победы справедливо измеряемые десятилетиями, ничему не научили старых крепостников. Весь величайший смысл Октября был и есть для них печальный «эпизод», плод «смуты», переходящее явление...

Вот почему бывшие помещики, оставленные на принадлежавшей им ранее земле, не только, как оказалось, не вели культурного хозяйства, но в большинстве случаев разрушали доверенное им имущество.

Старые крепостнические чавыки «барина», вся его господская психология были перенесены в «новое дело».

Под видом ведения культурного хозяйства, под видом организации сельско-хозяйственных артелей и коммун, бывшие помещики эксплуатировали крестьян, применяя наемный труд и устанавливая с окрестным населением кабальные отношения.

Первое изучение этих процессов восстановления помещичьих гнезд обнаружило, что значительная часть б. помещиков получила землю путем обхода существующих законов и путем злоупотребления. Наряду с хищничеством в области ведения сельского хозяйства и возрождением идеологии «барина» были вскрыты не менее характерные процессы и в области политической.

Значительная часть б. помещиков оказалась враждебной по отношению к пролетарской власти, отсюда они принимали активное участие в контр-революционном движении, вели в деревне соответствующую агитацию против мероприятий Советской власти, возмущали пережитки старого режима — покорность и страх перед помещиком — в наиболее отсталых слоях крестьянства.

Отсюда вполне понятно то возмущение, которое наблюдалось в широких слоях трудового крестьянства в отношении возражающегося помещика. Вся эта обстановка и определила ту линию поведения, которую заняли органы прокурорского надзора в деле выселения б. помещиков и б. крупных землевладельцев. Декрет о выселении б. помещиков, устанавливая нормы, по которым должна была протекать ликвидация права на землепользование и проживание в хозяйствах б. помещиков, центром своей тяжести имеет, несомненно, политическую сторону.

Выкорчевание вновь возродившихся помещичьих гнезд и удаление их из крестьянской сферы (деревни) — таков основной смысл декрета.

Не останавливаясь на основных этапах и отдельных эпизодах кампании по выселению б. помещиков, отметим лишь наиболее характерные моменты кампании.

Здесь, прежде всего, нужно отметить ту удивительную «гибкость» и изворотливость б. помещиков, то цепляние за всякие возможности остаться в своем гнезде, то попытки истолковать декрет в благоприятном для себя смысле, которые мы наблюдали в закончившейся кампании.

Не говоря про ссылки на всякого рода «заслуги» перед Советской властью, единственным недостатком которых являлось то, что они или вовсе не существовали или не являлись действительными заслугами, дающими право на льготы (служба дочери выселяемого в Красной армии переписчицей в опродкомдиве или самого выселяемого в железнокоме или просто то заготовке дров), излюбленным способом являлось представление одобрительных отзывов со стороны населения. Как бы старались б. помещики придать этим отзывам характер неопровержимых доказательств отсутствия кабальных отношений с населением, однако, во всех случаях прокуратура относилась к ним критически, имея в виду как всякого рода ухищрения, к которым прибегали б. помещики при собирании отзывов, так и наблюдавшиеся в некоторых местах покорность и страх среди наиболее отсталой части населения перед лицом б. помещика.

К числу наиболее частых ухищрений, к которым прибегали б. помещики, надо отнести следующее: 1) исходатайствование отзывов не на общих собраниях (сходах), а путем хождения по отдельным зажиточным дворам и к гражданам, находящимся у них в материальной зависимости; 2) собирание подписей от родственников и малолетних (зарегистрировав случай, когда выселяемый за каждую подпись, učinенную малолетним, платил по 50 коп.); 3) представление отзывов отдаленных деревень, не находящихся в непосредственном соприкосновении с личностью выселяемого и его хозяйством; 4) спаивание населения.

Однако, нередки были случаи, когда полученный от земельного общества б. помещиком отзыв аннулировался самим же выдавшим его земельным обществом, как только оно убеждалось в опрометчивости своих действий и в том, что выданный отзыв затягивает окончательное разрешение дела о выселении.

Это явление особенно часто наблюдалось в тех случаях, когда дело требовалось прокуратурой уже после того, как постановление о выселении было фактически приведено в исполнение, т.е. после того, как граждане, выдавшие отзыв, убеждались, что им больше нечего скрывать своих действительных взаимоотношений, основанных на фактах прямой или скрытой эксплуатации.

К другим способам, которыми пользовались б. помещики при обжаловании постановлений об их выселении, относятся: 1) представление документов о крестьянском происхождении при полном замалчивании таких фактов, как наличие до революции крупной торговли, фабрик, заводов, или других нетрудовых источников дохода (один такой «крестьянин» оказался крупным московским домовладельцем и содержанием первоклассных гостиниц), 2) преуменьшение количества земли, принадлежавшей до революции на праве собственности. Напр., один б. помещик, в постановлении о выселении которого было сказано, что он являлся до революции владельцем 110 дес., настойчиво и в очень категорической форме заявлял о якобы совершенном по его делу подлоге, выразившемся в том, что ему приписали лишних 100 дес., т.е. он был собственником только 10 дес. Попадобилась довольно длительная переписка, для того, чтобы выяснить, что никакого подлога по данному делу учинено не было и что в фактическом распоряжении выселяемого до революции действительно находилось 110 дес., так как 100 дес., относительно которых выселяемый недо-

умевал, откуда они могли изытись, оказались принадлежащими его жене, хотя и в виде отдельного хутора, но находящегося в совместном пользовании обоих. Несмотря на результаты расследования, выселяемый не отказался от осмирования своего выселения, ссылаясь на этот раз на соответствующую статью X тома дореволюционного свода законов о разделности имущества супругов (?!). Естественно, что этот довод не мог изменить решения прокуратуры об оставлении его жалобы без последствий.

Как по данному делу, так и по другим аналогичным делам прокуратура исходила из фактических земельных отношений, существовавших у лица, признанного подлежащим выселению до революции, а не только из его формальных прав и документов на землю. Поэтому прокуратура не возражала, напр., против выселения б. крупных арендаторов земельных участков, считаясь с тем, что такого рода арендаторы пользовались теми же методами управления хозяйствами, что и б. помещики.

Количество обращений б. помещиков в органы прокуратуры было очень велико. По приблизительному подсчету одной Центральной Прокуратурой рассмотрено свыше 2.000 жалоб, переписок и дел этой категории. Можно смело сказать, что все, кого коснулся декрет от 20 марта, перебывали в прокуратуре, центральной или местной, если не непременно по поводу своего выселения, то по вопросам, связанным с выселением, как-то: о восстановлении законного, месячного срока для выселения, о праве на урожай или на приобретенное после революции имущество.

Количество работы, лежавшей на прокуратуре, усугублялось «непременным» участием последней в работах междоветовственных комиссий при исполкомах в соответствии со ст. 3 инструкции ВЦИК к декрету от 20 марта (в центре — комиссия при ВЦИК).

Результаты надзорной работы прокуратуры в области выселения б. помещиков видны отчасти из приводимой ниже таблицы дел, переданных на рассмотрение ВЦИК. Приведенные в таблице цифры не имеют абсолютного значения, так как, наряду с опротестованием нарушающих закон постановлений о выселении во ВЦИК через Прокурора Республики (или непосредственно последним), часть дел с прокурорскими протестами была фразирована на месте в губисполкомах. Однако, и такая неполная таблица не лишена известного интереса, как свидетельствующая о правдивости тех методов, с которыми прокуратура, в лице ее руководящего аппарата, подходила к разрешению дел о б. помещиках. Девять десятых всех дел этой категории, переданных Прокуратурой Республики во ВЦИК, касались лиц не дворянского происхождения. Последние, включая сюда и личных дворян, составляют всего 13% от общего числа лиц, дело о выселении которых Прокуратура Республики признала нужным передать на рассмотрение ВЦИК.

Таблица дел о выселении б. помещиков, переданных Прокуратурой Республики на рассмотрение ВЦИК за время с начала кампании и по 30/XI—1926 г.

Порядок направления дел.	Опыселенных лиц крест. происхождения.	Мещан.	Разночине. в том числе незаконнорожд. детей с помещик.	Личн. дворян.	Потомств. дворян.	ВСЕГО.
Опротестовано в порядке ст. 85 пол. о судостр.	38	15	16	3	8	80
Передано на усмотрение	11	1	3	2	6	23
Всего	49	16	19	5	14	103

На-ряду с отмеченными стремлениями б. помещиков во что бы то ни стало остаться в своих гнездах, необхо-

димо указать и на некоторые недочеты в работе местных органов власти по проведению в жизнь этого декрета.

Перечислю ст. 3 пост. ЦИК от 20 марта 1925 г. некоторые губисполкомы стремились придать исчерпывающее значение в том смысле, что могут быть оставлены на месте только те бывшие земельные собственники, которые удовлетворяют требованиям указанной ст. 3, т. е. либо приобрели землю при посредстве банков, либо б. бойцы-красноармейцы, либо имеющие заслуги, удостоверенные ВЦИКом. При таком толковании декрета смысл последнего искажался, так как очевидно, что основными положениями, определяющими круг лиц, подлежащих выселению, являются ст. ст. 1 и 2 декрета, предписывающие выселению б. дворян и б. крупных землевладельцев не дворянского происхождения, последних в том случае, если имеются налицо моменты закабаления ими населения. В соответствии с этим органы прокуратуры проводили в своей практике ту точку зрения, что при выселении определенного лица должно быть установлено в первую очередь либо его дворянское происхождение, либо кабальные отношения с населением (если выселяемый происходит не из дворян), и что ст. 3 декрета имеет значение льготы, подлежащей применению при доказанности указанных основных условий для выселения.

Подходя к вопросу о применении льгот, органы прокуратуры принимали во внимание не только один данный о пребывании лица на фронте или о приобретении земли при посредстве банка и пр., по ставили эти данные в зависимость от общего положения дела и проч. сведений о личности выселяемого и его хозяйства. Такой метод разрешения этих вопросов вытекал из точного смысла законодательных актов о б. помещиках, в частности из ст. 13 инструкции ВЦИК к декрету от 20 марта, устанавливающей, что «освобождение от выселения на основании п. «б» ст. 3 декрета от 20 марта 1925 г. распространяется на лиц, родители, дети, мужья и братья которых активно боролись на стороне Советской власти в рядах Красной армии, в том случае, если сами бывшие владельцы имений не выступили активно против Советской власти». Что же касается случаев приобретения земли при посредстве банков, то необходимость обсуждения и этих случаев в связи с прочими обстоятельствами дела вызывалась тем, что нередко к услугам банков прибегали с чисто коммерческими целями для сохранения капитала, помещенного в оборот и приносящего доход, с лихвой покрывающие проценты банку.

Особенно сложными являлись дела, по которым ставились два момента: с одной стороны, эксплуататорская деятельность выселяемого до революции, представляющаяся по данным дела бесспорной, и такие же бесспорные заслуги выселяемого или его ближайших родственников уже при Советской власти. Общей формулы для разрешения такого рода дел у органов прокуратуры не было, за исключением признания правильности выселения во всех тех случаях этого рода, когда эксплуататорская деятельность выселяемого продолжалась и после революции и когда родственники выселяемого, имеющие те или другие заслуги, проживают отдельными семьями (не входят в состав ликвидируемого хозяйства). О некоторых случаях выселения органы прокуратуры, воздерживаясь от их опротестования, доводили до сведения ВЦИК (см. таблицу — категории дел, переданных во ВЦИК «на рассмотрение»).

Следующим недочетом, с которым органами прокуратуры приходилось часто сталкиваться, заключался в слишком обобщающем толковании понятия кабальности отношений выселяемого с населением (ст. 2 декрета). Под это понятие подводились не только голые факты применения насильного труда (без всяких признаков эксплуатации и учета действитель-

тельного положения хозяйств, состоящих иногда из одних стариков или одних женщин с малолетними), но и такие, напр., обстоятельства, как неадекватность отношений выселяемого с земельным обществом, вследствие неудобств, испытываемых последними от существующего расположения хозяйства или отдельных его угодий (напр., местонахождение пашни или сенокоса на пути прогона скота). В последнего рода случаях органы прокуратуры, опротестовывая постановления о выселении, вынесенные в отношении б. трудовых собственников, кроме указанного случайного повода для разногласия с соседями, как не вполне удачно расположение хозяйства, ссылались на то, что такие разногласия ничего общего с декретом от 20 марта не имеют и могут быть устранены в порядке ст. 66 и след. Зем. Код., т.-е. в порядке землеустроительных действий, предпринятых по заявлениям заинтересованных лиц.

Сравнительно часто местные комиссии выносили постановления о выселении, руководствуясь исключительно данными о социальном происхождении б. владельца имения, не учитывая прошлое и настоящее тех лиц, которые пользуются хозяйством со времени революции и которых фактически должно коснуться постановление о выселении. Сказанное относится, главным образом, к категории лиц, носивших до революции название «незаконорожденных». При ближайшем ознакомлении с делами об их выселении часто оказывалось, что они являются рядовыми крестьянами, не получившими никакого образования и нахопившимися на положении изгоев как у себя дома, так и в глазах окружающих помещиков. Из числа дел этой категории, прошедших через Прокуратуру Республики, наиболее яркими являются два: по первому выселялся, как б. помещик, внебрачный сын внебрачной дочери б. владельца имения, работавший с малолетства разносчиком газет в Ленинграде; по второму—внебрачный сын б. помещика, несший у него до революции обязанности пастуха. В обоих случаях характеристика выселяемых со стороны населения и местных органов власти сводилась к тому, что они не имеют облика помещиков и являются типичными трудовыми землепользователями.

Кроме описанных нарушений декрета формального свойства, вызванных неправильным применением отдельных его статей и положений, органам прокуратуры приходилось сталкиваться с постановлениями о выселении, вынесенных на основании непроверенных или недостаточно проверенных данных. В этом отношении небезынтересно вспомнить один случай, когда в основу постановления о выселении был положен факт поджога усадьбы выселяемых (двух братьев крестьянского происхождения, имевших до революции 68 десятин) в качестве доказательства враждебного к ним отношения со стороны населения. Произведенным впоследствии расследованием было установлено, что хотя пожар в усадьбе выселяемых и имел место (сгорел один амбар), однако, пожар этот произошел от неосторожного обращения с огнем нескольких злоумышленных лиц, пробравшихся ночью в хозяйство с целью воровства.

Отмеченные выше недочеты касались, главным образом, не б. помещиков из дворян, а б. крупных землевладельцев, фактически трудовых землепользователей, существенно или совсем не отличающихся от середняцкого в данный момент хозяйства.

Внося отмеченные выше коррективы в практику местных органов власти, органы прокурорского надзора отнюдь не отступали от основного смысла декрета, его целей—ликвидации в деревне той обстановки, о которой мы говорили вначале.

В. Моисеев.

Договор комиссии по Гражд. Код. РСФСР.

По своей юридической природе договор комиссии не может принадлежать к числу элементарных договоров, так как всякая комиссионная сделка предполагает одновременное существование внутренних отношений поручения одного лица (комитента) другому лицу (комиссионеру) совершить одну или несколько сделок от имени комиссионера, но за счет комитента, и внешних отношений, в которых комиссионер выступает перед третьими лицами, как осуществляющий исключительно самостоятельный интерес покупатель, продавец, отправитель или страхователь товаров, лицо, получающее или производящее платеж.

Комиссионная сделка предполагает не менее трех контрагентов, в некоторых случаях даже четырех, когда сделка заключена двумя комиссионерами и когда каждый комиссионер должен перенести экономический эффект сделки на своего комитента.

Двойственная роль комиссионера—выступление в обороте самостоятельным контрагентом с одновременным выполнением функций доверенного лица, осуществляющего поручение комитента, и множественность контрагентов, осуществляющих самостоятельный интерес, предreshают неустраняемую сложность договора комиссии.

Комиссионные сделки чрезвычайно распространены в торговом обороте, так как избавляют промышленное или торговое предприятие от необходимости держать своих доверенных лиц (представителей) в более важных рынках сбыта своих товаров или продуктов, в особенности в менее известных для предприятия рынках. Комитент направляет свои товары комиссионеру, хорошо знающему местный рынок, пользующемуся в местном обороте авторитетом и кредитом. Комиссионер в свою очередь продает товары комитента или покупает для комитента сырье, материалы и др. товары, оказывает кредит комитенту в форме ли авансирования части стоимости полученных от комитента товаров, в форме ли получения от третьих лиц в кредит товаров, приобретенных по поручению и за счет комитента. Комиссионер по отправке товаров (экспедитор), специализирующийся по транспортированию грузов, выполнению таможенных обязанностей и т. п., получает от комитентов разные грузы и отправляет их наиболее выгодным способом, напр., повагонно.

Дореволюционный торговый оборот широко пользовался комиссионными сделками, которые нормировались договором торговой комиссии (устав торговый, т. XI, ч. 2 св. зак., по продолжению 1912 г., ст. 54¹—54²⁵), в основном воспроизводившим нормы договора комиссии, изложенные в ст. ст. 383—406 германского торгового уложения 1897 г. и позволявшим комиссионеру самому приобрести от комитента товары или самому поставить комитенту товары с одновременным получением от комитента комиссионного вознаграждения и общепринятых расходов.

С возобновлением при новой экономической политике торгового оборота вновь появились комиссионные сделки, при чем эти сделки конструировались по образцу дореволюционных договоров комиссии, так как сами торговые деятели и юристы, составлявшие договоры, ограничивались рецепцией (возобновлением) дореволюционных норм комиссионного права. Однако, в Гражд. Код. договор комиссии не был введен по разным соображениям: с одной стороны, составители Г. К. не желали чрезмерно развязывать частный оборот и воспроизводить детально развитые гражданские уложения буржуазных государств, с другой стороны, во время составления Г. К. (в 1922 г.) комиссионные сделки

еще недостаточно вывились в гражданском обороте и законодатель не хотел фиксировать их форму. Но нельзя сказать, что советское законодательство совершенно не признавало договора комиссии и коммиссионеров; так, еще 2 января 1923 г. Правительство РСФСР приняло два закона: о порядке учреждения и регистрации коммиссионных предприятий («С. У.» № 2, ст. 23) и о мерах к урегулированию торговых операций государственных учреждений и предприятий («С. У.» № 14, ст. 173, § 4), устанавливающие особый порядок учреждения и регистрации коммиссионных предприятий и обязывающие гос. производственные и торговые учреждения и предприятия организовывать свой собственный коммиссионный аппарат. Устав о гос. гербовом сборе («С. У.» № 94 за 1923 г., ст. 932, прилож. I, § 37, п. д.) говорит о договоре комиссии, как об объекте гербового обложения. Декрет СНК СССР о предоставлении гос. и кооперативными предприятиями сведений о частных торговых посредниках обязывает эти предприятия представлять подлежащим финансовым органам сведения о суммах коммиссионного вознаграждения, выплаченных частным посредникам («С. У.» № 53 за 1924 г., ст. 524). Ряд декретов предусматривал принудительное размещение гос. 6% выигрышного займа среди частных коммиссионеров наряду с частными подрядчиками и поставщиками («С. У.» № 98 за 1923 г., ст. 978). Наконец, Г. Е. РСФСР не содержит исчерпывающего перечня договоров, допустимых в нашем обороте, т.-е. всем неограниченным в правоспособности гражданам, а равно и юридическим лицам (поскольку уставы или положения об этих юридических лицах отводят им определенную область хозяйственной деятельности) предоставлено право заключения всякого рода незапрещенных законом договоров, в том числе и договоров комиссии. Положения и уставы многих юридических лиц (кредитных и кооперативных обществ, акционерных обществ и др.) прямо разрешают заключать договоры комиссии. Содержание таких регламентированных законом договоров, т.-е. права и обязанности сторон, определяются взаимным соглашением этих сторон. Однако, в отношении договоров комиссии указанный порядок приводил к следующим крупным неудобствам: стороны заключали коммиссионную сделку только в общих чертах, предполагая известные нормы закона, которые были приняты в дореволюционном торговом обороте и которые за отсутствием противоположных норм действующего советского права перешли и в наш торговый оборот как бы в качестве норм обычного права; когда же между комитентами и коммиссионерами возникали судебные споры, то суды лишены были права руководствоваться не введенными в качестве условий в текст договора дореволюционными правилами о коммиссионных сделках или распространяемыми среди деятелей советского торгового оборота понятиями о сущности договора комиссии, понятиями, всецело почерпнутыми из дореволюционного торгового оборота, так как правило ст. 6 вводного закона к Г. Е. о том, что воспрещается толкование норм Г. Е. на основании законов свергнутых правительств и практики дореволюционных судов должно было быть на основании ст. 4 ГПК применено и к судебным спорам, возникшим по поводу исполнения договоров комиссии, и так как за исключением споров по земельным делам (ст. 55 и ст. 77 ЗК) суды не должны руководиться местными обычаями, а тем более обычаями, действующими на территории всей РСФСР или всего Союза ССР для решения судебных споров.

Образовалось мнение, что по спорам, возникшим по поводу исполнения договоров комиссии, следует руководствоваться нормами договора поручения, ближе всего подходящего к договору комиссии; в этом смысле высказались Верховный РСФСР по кассационной коллегии по гражданским

делам в определении от 10 января 1925 г., напечатанном в «Е. С. Ю.» за 1925 г., № 15, стр. 406, и Отдел Закоп. Предп. и Кодификации НКЮ в разъяснении № 1390/3 от 3 дек. 1924 г., напечатанном в № 14 «Е. С. Ю.» за 1925 г., стр. 373.

Между тем, ВАК при ЭКОСО неоднократно выносила противоположные определения о признании силы за договорами комиссии, как особыми договорами, не регламентированными советским правом.

В № 12 «Е. С. Ю.» за 1925 г., на стр. 296—298, напечатана статья тов. П. Х. «Коммиссионер по советскому праву», которая доказывает, что за отсутствием у нас норм о договоре комиссии объем прав и обязанностей посредника-коммиссионера должен быть отождествлен с объемом прав и обязанностей поверенного, что коммиссионер должен быть лишен права предъявлять иск к третьему лицу, своему контрагенту, и что таковой иск уполномочен предъявлять только комитент, в чьем интересе была заключена коммиссионная сделка, формально не связанный с контрагентом коммиссионера.

Более обосновано противоположное мнение, подробно развитое в статье тов. М. Фрадкина «Некоторые особенности договора комиссии в нашем обороте» («Е. С. Ю.» № 20 за 1925 г., стр. 547—549), доказывающее, что в нашем обороте коммиссионерами являются органы НКВнешторга (Госторг), синдикаты, союзы кооперативов и другие юридические лица, государственно- и общественно-хозяйственного происхождения, которые не являются точными исполнителями директив комитентов, а нередко самостоятельно устанавливают распределение (иногда даже цену) продукции комитентов. Такие коммиссионеры свободны также от выполнения личных услуг, что характеризует отношения доверенного к поручителю. Тов. М. Фрадкин в другой своей статье «Договор комиссии в ведомственных разъяснениях» (журнал «Революционная Законность» № 7—8 за 1926 г., стр. 9—13) подробно доказывает неправильность отождествления договора комиссии с договором поручения вследствие экономической независимости коммиссионера от комитента, вследствие равнозначности коммиссионера в торговом обороте с комитентом, в то время как доверенный чаще всего не является самостоятельным торговым деятелем. Далее тов. Фрадкин подробно указывает на резкие противоречия в ведомственных циркулярах и разъяснениях НКЮ, Наркомвнуторга и НКФ по поводу договора комиссии и коммиссионеров.

По поводу договоров комиссии, осложненных выдачей коммиссионером ссуды комитенту, тов. Лянде подробно высказался (в № 6 «Е. С. Ю.» за 1926 г., стр. 172—174) в том смысле, что коммиссионные сделки, по которым коммиссионер от имени комитента для исполнения коммиссионного поручения произвел затраты или авансировал третьих лиц, должны признаваться едиными договорами комиссии, а сделки, в которых коммиссионер авансирует самого комитента при поручении продажи товаров комитента, должны признаваться двумя особыми друг от друга сделками комиссии и займа со всеми правовыми и фискальными (напр., оплата гербового обложения) последствиями.

Эти выводы тов. Лянде вызвали основательное возражение тов. Макуны («Е. С. Ю.» № 18 за 1926 г., стр. 564). В том же № 18 «Е. С. Ю.» (стр. 565) помещена статья нарсудьи, тов. Переверзева, поднявшего важные вопросы, должен ли комитент получить от ликвидационной комиссии по делам коммиссионера преимущественно перед всеми кредиторами коммиссионера принадлежащие комитенту товары (т. Переверзев дает утвердительный ответ, полагая, что комитент имеет вещное право на эти товары) или деньги, вырученные от продажи принадлежащих комитенту товаров (тов. Переверзев склоняется к отрицательному

ответу, полагая, что в отношении этих денег должны быть применены ст. 101 ГК и ст. 266 ГПК и комитент должен получить удовлетворение на одинаковых основаниях со всеми другими кредиторами комиссионера).

Кратко и бегло изложенный нами перечень противоречивых постановлений и мнений наглядно указывает на необходимость установления в законодательном порядке единообразных норм о комиссионном договоре и на невозможность дальнейшего отсутствия этих законодательных норм при наличии возрастающего и усложняющегося торгового оборота.

Уже в октябре 1923 г. Комиссией по Внутренней Торговле при СТО был внесен в СНК РСФСР (по республиканской линии) и в СНК Союза ССР (по союзной линии) проект Торгового свода СССР, который в ст.ст. 115 — 135 содержал проект договора торговой комиссии, в основном воспроизводивший нормы дореволюционного устава торгового, т. XI, ч. 2 свода законов, но содержавший ухудшение в отношении очередности удовлетворения тех претензий к несостоятельному комитенту, которые основаны на заработной плате, платежей по социальному страхованию и алиментах; дореволюционные статьи 54²³ и 54²³ устава торгового ограничивают преимущественное право комиссионера на удовлетворение претензии к комитенту в тех случаях, когда к несостоятельному комитенту предъявлены претензии, пользующиеся правом преимущественного удовлетворения, проект же в ст. 132 дает право комиссионеру зачесть свои денежные требования к комитенту всеми поступающими к нему (т.-е. к комиссионеру) за счет комитента суммами, игнорируя возможность предъявления к комитенту требований, имеющих на основании ст. 101 ГК и ст. 266 ГПК право преимущественного удовлетворения. Проект в ст. 131 дает комитенту преимущественное право на получение платежей третьих лиц, производных комиссионеру за счет комитента также и в тех случаях, когда комиссионер объявлен несостоятельным. Этот проект не был свободен и от других недостатков, напр., он различал договор торговой комиссии от договора общегородской комиссии (ст. 115), он ссылаясь не только на местные обычаи (ст. 129), но и на торговые обычаи (ст. 117), в нем совершенно не чувствовалось отражения своеобразия нашего экономического строя, он возобновлял типичное право буржуазных государств о договоре комиссии, нигде не выявляя ни классовой точки зрения (существующей в ст. 101 ГК), ни преобладания интересов государства, как целого, над интересами комитента или комиссионера извлечь максимально возможную прибыль из данной комиссионной сделки (напр., ст. 125 предоставляет комиссионеру право самому приобрести или поставить товар комитенту, при чем комиссионер не лишается права на получение от комитента-комиссионного вознаграждения и на возмещение общепринятых расходов).

Проект договора комиссии в редакции Торгового свода СССР не стал законом и послужил только основным материалом для разработки Наркомвнутторгом СССР нового проекта, затем уже переработанного Комиссией Законодательных Предложений (ныне Подготовительной Комиссией) при СНК СССР, утвержденного СНК СССР (прот. № 115, п. 4) и внесенного на утверждение в ЦИК СССР.

Президиум ЦИК СССР в заседании от 18 сентября 1925 г. (прот. № 19, п. 11) постановил: «Принимая во внимание: 1) что с развитием товарооборота издание законодательного акта, регулирующего комиссионные взаимоотношения, есть вопрос острый; 2) что в гражданских кодексах союзных республик отсутствует указание о договорах комиссии... предложить ЦИК'ам союзных республик дополнить свои гражданские кодексы законодательными актами, регулирующими комиссионные взаимоотношения.

Проект постановления о договоре комиссии, представленный СНК Союза ССР, разослать ЦИК'ам союзных республик как руководящие указания по этому вопросу».

На основании этого пост. Президиума ЦИК СССР, ВУЦИК и СНК УССР 16 декабря 1925 г. постановили ввести в ГК УССР новый раздел о договоре комиссии, почти дословно воспроизводящий проект СНК СССР. Текст этого закона напечатан в № 3 (61) «В. С. Ю.» от 1 февраля 1926 г. (стр. 123—124), разбор же закона содержится в статье тов. А. Ратнера «Договор комиссии в законодательстве УССР», помещенной в № 4 (62) того же «В. С. Ю.».

Во исполнение пост. ЦИК СССР от 18 сентября 1925 г. и по поручению СНК РСФСР при НКЮ РСФСР была образована комиссия при участии представителей от Наркомторга СССР, Наркомторга РСФСР, ВАК при ЭКОСО РСФСР, Верховуда РСФСР; для учета особых взаимоотношений между комитентом и комиссионером по поводу отправки товаров (т.-е. в области экспедиционных сделок) к участию был привлечен представитель акц. о-ва «Транспорт».

В указанной комиссии намечались два основных течения: представители обоих наркомторгов высказывались за наиболее близкое воспроизведение проекта СНК СССР, мотивируя необходимость выполнить директиву Президиума ЦИК СССР о том, чтобы ЦИК'и союзных республик считались с этим проектом, как с руководящими указаниями, необходимостью, чтобы в разных союзных республиках действовали одинаковые нормы о договоре комиссии, в частности, чтобы в РСФСР договор комиссии не расходился с действующим уже с 16 декабря 1925 г. в УССР законом о договоре комиссии.

Представитель акц. о-ва «Транспорт» во всем поддерживал мнение представителей Наркомторгов, расходясь с ними только в том, что он считал необходимым по распространять действие договора комиссии на сделки по транспортированию товаров (на экспедиционные сделки), в отношении которых представитель акц. о-ва «Транспорт» находил нужным выработать в союзном порядке специальный закон об экспедиторских сделках, в основу которого должен быть положен договор перевозки товаров.

Второе течение составили представители ВАК при ЭКОСО РСФСР, Верховуда РСФСР и НКЮ, которые полагали, что проект СНК СССР, не утвержденный ЦИК'ом СССР как действующий закон, должен быть положен только в основу, но что отдельные республики не лишены права вносить в проект те или другие изменения, вызываемые интересами внутривосполняемого торгового оборота, интересами государства в снижении накладных торговых расходов при прохождении товаров от производителя к потребителю через ряд торговых посредников и в удешевлении промышленных товаров для широкого потребителя, и что директиву Президиума ЦИК СССР: «проект... разослать ЦИК'ам союзных республик как руководящие указания...» не следует понимать в том смысле, что Правительство РСФСР должно текстовально перепечатать указанный проект и принять его как постановление РСФСР.

По ряду статей проекта выявилось расхождение во мнениях обоих течений и проект был представлен в СНК РСФСР в двух вариантах; за исключением ст. 1 законом стал вариант, предложенный НКЮ, ВАК при ЭКОСО РСФСР и Верховудом РСФСР; ст. 1 принята была СНК РСФСР в компромиссном виде: СНК РСФСР отверг редакцию проекта СНК СССР (как чрезмерно широкую) и редакцию НКЮ (как чрезмерно узкую) и выработала свою собственную редакцию.

(Окончание следует).

И. Кобленц.

Прокуратура на собраниях трудящихся¹⁾.

Отчет Прокуратуры за 1925 год приводит ряд иллюстраций по отдельным губпрокуратурам, свидетельствующих о разнообразии правовых тем, освещавшихся в докладах лиц прокурорского надзора.

Еще больше их можно пайти в отчетах с мест за 1 полугодие 1926 г. К сожалению, отсутствие единообразного статистического учета содержания выступлений не дает возможности дать общереспубликанскую сводку и разбивку выступлений и за 1 полугодие 1926 г. (по той же причине это не было возможным осуществить и за предшествующие полугодия). Это относится не только к разбивке по признаку тем докладов, но и по признаку аудитори и, перед ними они делались. Ограничимся поэтому лишь некоторыми на выдержку взятыми статистическими иллюстрациями за первое полугодие 1926 г. В Пензенской губернии имеем 49 выступлений на рабочих собраниях, 95 — на крестьянских сходах, 10 — на беспартийных волостных конференциях, 7 — на женских делегатских собраниях, 5 — на совещаниях рабселькоров, 5 — на совещаниях общественных обвинителей, 11 — в воинских частях, 2 — на пленумах ВИК'ов, 10 — на заседаниях сельсоветов, 32 — на партсобраниях в сельских местностях, 32 — прочих, всего 262 выступления. В Псковской губ.: 39 — на собр. рабочих, 70 — служащих, 12 — крестьянских сходах, 22 — в воинских частях, 15 — партсобраниях, по 165 — аудитория недостаточна учтена («прочих»), всего 329. В Череповецкой губ.: 14 — на рабочих собраниях, 173 — на крестьянских сездах, 13 — на совещаниях рабселькоров, 5 — в воинских частях. Читинский округ: 75 — на рабочих собраниях, 63 — на крестьянских, 5 — в воинских частях. Московская губ.: 186 — на рабочих собраниях, 224 — на крестьянских, 25 — на собраниях общественных обвинителей, 106 — на заседаниях ВИК'ов и других советских органов, 119 — в партсобраниях, всего 839. По Северо-Кавказскому краю: 148 — на рабочих собраниях, 893 — крестьянских и 511 — на заседаниях советских и партийных органов.

В отношении тем докладов имеем по Череповецкой прокуратуре 82 доклада на тему о работе прокуратуры, 28 — по вопросам уголовного законодательства и судопроизводства, 7 — по лесному и земельному праву, 50 — по брачн. и семейному праву, 5 — по налоговому законодательству, 46 — по трудовому законодательству. По Нижегородской — 24 доклада на тему о революционной законности, 22 — о работе прокуратуры, 13 — по лесн. и земельному законодательству, 56 — по брачному и семейному, 17 — по трудовому. По Костромской губернии: 32 — на тему о революционной законности, 29 отчетных докладов — о работе пр-ры, 59 — об уголовном законодательстве и борьбе с преступностью, 39 — о земельном и лесном законодательстве, 38 — о семейном и брачном праве, 2 — о налогах, 36 — о трудовом законодательстве. По Московской губернии — 32 — о революционной законности, 2 — о работе прокуратуры, 101 — по вопросам уголовн. права, судопроизводства и борьбы с преступностью, 56 — о брачном и семейном праве. По Тверской губ.: 39 докладов — о революционной законности, 12 — об уголовном законодательстве, суд-ве и борьбе с преступностью, 24 — о лесном и земельном праве, 23 — о брачном и семейном праве. В Читинском округе 13% всех тем падает на доклады о революционной законности, 11% — о брачном и семейном праве, 1,3% — о лесном и земельном законодательстве. В Гомельской губернии около 30% на тему о революционной законности, 22% — о борьбе с преступностью и угол. законодательстве, 16% — о семейном и брачном праве.

¹⁾ См. № 49 «Е. С. Ю».

Характерным далее является решительное (абсолютное и относительное) преобладание в 1 п. 1926 г. докладов в сельских местностях. Из сопоставления данных по 11 губерниям²⁾ имеем из общего числа 2.780 сделанных докладов: в губцентре — 684 (около 25%), уездных центрах — 782 (28%) и сельских местностях — 1.211 (47%).

В Костромской губ. из 293 докладов 125 (около 43%) падают на сельские местности, в Самарской — 31,4%.

По Тверской губпрокуратуре число докладов в деревне составляло в 1925 г. 35,9% общего числа, а в 1 полугодии 1926 г. — 61,3%.

В отношении тем для докладов, помимо желательности большего впредь использования материалов, хозяйственных процессов, на наш взгляд, можно еще высказать следующие практические замечания.

Во-первых, как в отношении количества выступлений, так и в отношении выбора соответствующих тем назрела целесообразность намечения заранее на каждый предстоящий период нескольких тем, обязательных к проведению в общереспубликанском масштабе и определяемых общими важнейшими (несмотря на различие местных условий) задачами, стоящими перед прокуратурой в области проведения революционной законности, (напр., в настоящее и ближайшее время в качестве такой обязательной темы можно считать вопрос о работе прокуратуры в связи с проведением лозунга о режиме экономии). Лишь до известной степени можно согласиться с мнением, высказанным Саратовским губпрофсоветом о том, что пропаганда и популяризация основных правовых моментов (рев. законность, общественное обвинение, суд и паразаседатели, карательная политика) и идеи и содержания работы прокуратуры является в настоящее время уже излишним, как простое периодическое повторение того, что уже крепко вошло в жизнь и усвоено рабочими массами. Нельзя упускать из виду то, что прокуроры во многие села и станицы проникают впервые и поэтому естественно начинают правовую пропаганду с изложения общих задач и целей советского законодательства²⁾. Вернее будет сказать, что темы этого рода, хотя и нужны, поскольку еще есть достаточно число трудящихся, которые и по настоящее время имеют весьма смутное представление об «основных правовых моментах», но должны постепенно отступать на второй план, давая место докладам ударным и злободневным, выдвигаемым текущим моментом, по вопросам права и преступности (борьба с растратами, за режим экономии).

Во-вторых, необходимо усилить руководство выступлениями на собраниях отдельных помпрокурора, для чего выработке заранее тезисов по части наиболее сложных намечаемых докладов должен быть придан систематический и повсеместный характер. Заслуживают внимания и следующие совершенно правильные замечания, содержащиеся в циркуляре Уральской облпрокуратуры от 2 сентября с. г. и касающиеся некоторых отрицательных явлений в деле связи с руководящими партийными и советскими органами: «В первую очередь здесь необходимо обратить внимание на существующий в некоторых округах, так сказать формальный подход к этой связи. Так, некоторые прокуратуры совершенно формально выполняют пункт плана о докладах в руководящих органах; это сказывается в том, что выноси-

²⁾ Сталинградская, Новгородская, Саратовская, П.-Новгородская, Ленинградская, Смоленская, Коми, Рязанская, Тульская, Архангельская, Гомельская.

²⁾ Характерна приводимая Сев.-Кавк. краев. прокуратурой выписка из революции женщин-черкешенок: «мы не знаем тех прав, которые нам дала Советская власть. До сих пор нам никто не говорил о них. На следующее собрание мы приведем тех темных черкешенок, которые сегодня не явились».

мы по докладам прокуратуры постановления совершенно не прорабатываются в прокуратуре, а подшиваются к делу. При ревизии одной прокуратуры было установлено, что с резолюцией, вынесенной окружком ВКП (б) по докладу прокуратуры, не были знакомы даже помпрокурора. Поэтому к составлению проектов резолюций по докладам в руководящих органах округа, необходимо привлекать всех помпрокурора, приглашая последних к участию и в заседании руководящего органа, заслушивающего доклад прокуратуры. Выносимые по докладам прокуратуры постановления должны тщательно прорабатываться на совещании помощников в смысле намечения практических мер для проведения вынесенных постановлений в жизнь. При очередном докладе в руководящих органах округа необходимо специально останавливаться и на том, как выполнены постановления и директивы этого органа по предшествующему докладу прокуратуры.

В-третьих, желательное усовершенствование учета работы по выступлениям, что одинаково относится как к количественной, так и к качественной стороне их. Существующая пока форма учета, как указывалось, дает возможность в общереспубликанском масштабе всего-навсего выявить лишь общее суммарное число выступлений. Разбивки же докладов по признакам содержания, аудитории и т. д. в общереспубликанском масштабе существующей схемой не предусмотрено.

Недостаточность в настоящее время подобного учета работы, имеющей столь большое значение, слишком ясна и требует соответствующей переработки учета.

Еще менее удовлетворительно пока обстоит дело с учетом качества выступлений. Мы знаем, что такой-то помпрокурора сделал столько-то докладов, но мы ничего или очень мало знаем, как были сделаны эти доклады, или как были проведены вечера вопросов и ответов, какие при этом задавались вопросы и т. д. (имеющиеся многочисленные резолюции по докладам лиц прокурорского надзора позволяют лишь судить о том большом интересе, с каким население слушает доклады прокуратуры).

В-четвертых, систематическое изучение качественной стороны опыта по выступлениям даст толчок к разработке методики их, в какой области перед нами еще непочатый край работы.

Н. Лаговнер.

Отклики с мест.

(Из статей, поступивших в Редакцию).

Вопросы нотариата.

В связи с принятием ВЦИК'ом нового пол. о гос. нотариате места указывают на некоторые дефекты действующих правил выполнения нотариальных действий. Тов. Полухин (г. Курган Уральской области) указывает на необходимость упрощения в технике изложения нотариально оформляемых документов:

«При пересмотре положения о нотариате и инструкции по нотариату, вследствие могущих быть изменений первого, необходимо в существующее положение и инструкцию внести изменения в смысле упрощения техники работы нотариальных контор. Работа нотариата во многих случаях настолько формальна, что, казалось бы, с некоторым упрощением ее государство и в фискальных интересах не пострадало бы, и при изменении содержания учиняемых конторами надписей имелись бы налицо только достижения в пропускной работоспособности. Напр., ст. 18 существующего положения и § 45 инструкции требуют перечисления, между прочим, документов — способа подтверждения личности участника сделки. Это требо-

вание излишне. Перечисление документов о личности, т.-е. способа подтверждения личности, можно вполне заменить записью этих документов в реестре. Это избавит от двойной работы сотрудников контор, в которых нет пишущих машинок, а если это изменение коснулось бы тех контор, где есть пишущие машинки, то от этого дело сколько-то не может измениться: без ущерба для дела можно допустить, что способ удовлетворения может указываться как в надписях об удостоверении сделок, так и в реестре.

Вполне прав т. Стародубцев (Отклики с мест в «Еж. Сов. Юст.» № 35, 1926 г.), высказывающийся за отмену указания в актах профессии договаривающихся, которые из документов о личности не всегда можно установить. Она показывается со слов клиентов, что только обременяет, до некоторой степени затягивает работу. Конечно, нужно сохранять указание на должность участников сделок, если он участвует как должностное лицо.

Все эти кажущиеся небольшими изменения все же повлияют на увеличение пропускной способности и сократят громоздкость нотариальных надписей, которые в некоторых документах превышают в 2—3 раза содержание свидетельствуемого документа».

Оба указываемые автором упрощения введены в положение о гос. нот., утвержденное ВЦИК'ом 4 октября с. г. Согласно ст. 42 положения, порядок удостоверения самоличности сторон, правоспособности юридических лиц, полномочия представителей их, а также документы, представленные в доказательство тех или иных проверявшихся нотариусом обстоятельств, отмечаются в «реестре».

Согласно ст. 26 нового положения «при обозначении лиц (в нот. удостоверяемых сделках и свидетельствуемых документах) должны быть указаны подробно их имена, отчества, фамилии и место жительства». Профессии обозначать не требуется.

Тов. Стародубцев (г. Бобров Воронежской губ.) останавливается на вопросе об отводе нотариуса, если требуется выполнить нотариальные действия от имени его самого или родственников:

«Согласно ст. 5 пол. о госнотариате («С. У.» 1923 г. № 75, ст. 726), нотариусы не могут совершать в конторах, которыми они заведуют, никаких нотариальных действий от имени жены, своих и ее родственников, по прямой линии, братьев и сестер и сотрудников контор. При менении этой статьи возможно в тех городах, где имеется несколько контор, что если ее применять к местности, где имеется одна контора, да притом отстоящая от ближайшего местонахождения другой конторы на расстоянии 50—60 верст, то станет ясно, что в данном случае необходимо найти выход из такого неограниченного положения. На самом деле, нотариусу, его родственникам или сотрудникам конторы необходимо совершить то или иное нотариальное действие. Ни на судья, ни волостному, находящийся в месте расположения конторы, не имеют право совершать нотариальные действия, и указанные лица должны ехать в другую контору за 50—60 верст, а для этого необходимо время. Отпуск нотариусу или сотруднику (а если нотариус работает без сотрудника), лишние деньги и т. д. (не говоря уже о том, если потребуется совершение срочного нотариального действия)».

Тов. Стародубцев предлагает, чтобы в таком случае нотариальные действия совершал на судья. Автор считает, что следует внести такую же поправку и в инструкцию НКЮ, НКВД и НКФ о засвидетельствовании сделок и документов ВЦИК'ами и сельсоветами.

Тот же тов. Стародубцев указывает, что,

«согласно прим. к § 8 инструкции по госнотариату, нотариусы должны отказывать в приеме для засвидетельствования подлинности подписей на заявлениях граждан для представления в качестве доказательств по делам, производящимся в судебных или административных учреждениях. Такого ограничения для сельсоветов и волостных ком. нет».

Автор полагает, что необходимо устранить противоречие, вводя одинаковый порядок при засвидетельствовании под-

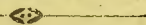
ицей как в нотариальных конторах, так и в ВИК'ах и сельсоветах. При этом автор высказывается против правила § 86 инструкции по нотариату и приводит такие примеры:

«1) Лицу необходимо указать путем свидетельских показаний свой служебный стаж или один из случаев своей службы. 2) Гражданин может установить путем показаний тот или иной факт по делу.

Как в том, так и в другом случае по тем или иным причинам лица не могут прибыть в административное или судебное учреждение для установления известного случая, — так неужели для этого необходимо поручать снятие показаний с тех лиц кому-либо и нельзя удовлетвориться заявлением их с засвидетельствованным подписью в нотариате?».

Тов. Ендовицкий (и. Ровеньки Воронежской губ.) приводит случаи волоститы, вызванной неправильностью, допущенной в положении о сельсоветах Воронежской губ., утвержденным президиумом Воронежского ГИК'а 15 мая 1924 г. Раздел II главы 2, § 26 п. 5 положения возлагает на сельсоветы «свидетельствование раздельных (актов) записей при разделе дворов трудового пользования». Согласно Земельного Кодекса раздел трудового земельного хозяйства (двора) регистрируется в волисполкомах, между тем вследствие указанного положения их регистрировали до начала 1926 г. сельсоветы. Автор указывает на происшедшие вследствие этого «недоразумения»:

«К гражданину, напр., предъявляют иск об имуществе. Он является в суд с раздельным актом, совершенным 2 года тому назад, и просит приобщить его к делу в качестве доказательства размеров своего имущества или того, что лицо, к кому предъявлен иск, в данном хозяйстве членом двора не числится. Суд отказывает, указывая причину. Тогда он идет в РИК, и там раздельный иск регистрируют, благо РИК, исправляя свою прежнюю ошибку, никому в этом не отказывает, а когда является судебный исполнитель и налагает арест на все имущество, ответчик или его родственники идут опять с этим же актом, уже зарегистрированным, в суд и предъявляют на основании акта, зарегистрированного в установленном порядке, иск об исключении из описи имущества. Случаев таких сколько угодно, и вот суд, постановив однажды об отказе в иске на основании такого акта и возложив взыскание на все имущество, теперь вынужден или признать акт и над своим решением поставить крест или не признавать раздельной записи, что, смотря по обстоятельствам дела, можно не всегда. Нам кажется, что случаи эти имеются не только у нас, и соответствующий орган должен дать должное разъяснение».

Страница практика.

Купля-продажа строений в сельских местностях и недостатки ее регулирования.

Циркуляры Верховного Суда от 16 июля 1924 г. № 24 («Е. С. Ю.» 1924 г. № 32) и НКЮ, НКВД, НКЗ и НКФ 1925 г. («Е. С. Ю.» 1925 г. № 3) своей неполнотой вызывают на практике недоразумения и разногласия.

Так, например, неясно, какие преследует цели и является ли регистрация в ВИК'е сделок купли-продажи строений строго обязательной и какие последствия влечет за собой сделка без регистрации; может ли ВИК отказывать в регистрации сделок и в каких именно случаях, кому на это подаются жалобы и в какие сроки?

Отсутствие определенных ясных указаний на поставленные выше вопросы создает на практике мнение о бесцельности таких регистраций в ВИК'ах, ибо они никакого и ничем не вызывают, и большинство сделок поэтому остаются вне регистрации. Вообще с этим вопросом на местах дело обстоит неблагоприятно. Для урегулирования этого вопроса необходимо к незарегистрированным сделкам применять ст. 29 ГК. Далее, необходимость наличия у покупателя и продавца некоторых документов (справка о состоявшейся передаче зем. о-вом усадебного участка, подписка членов двора о согласии на отчуждение строения и т. п.) при регистрации ставит работников волисполкомов в тупик и они не могут отказаться в реги-

страции, не имея на этот счет точных указаний. Кроме того, отсутствует хотя бы примерная форма сделок купли-продажи строений, подписок членов двора и т. п.

Без наличия этих условий и документов волисполком должен совершать регистрацию и противозаконных сделок.

Вызывает сомнение и п. 1 § 32 инструкции НКЮ, НКВД и НКЗ («Е. С. Ю.» 1925 г. № 36) о засвидетельствовании сделок и т. п., так как отсюда как будто бы следует, что сделки купли-продажи никакого посвидетельствования не требуют. В таком случае вряд ли вообще нужна и имеет ли сделка какое-нибудь значение для ВИК'а при регистрации, а тем более если такая сделка остается вне регистрации. Если факт самой регистрации сделки ВИК'ом заменяет собой и посвидетельствование, то об этом и нужно сказать, ибо это усугубляет ответственность ВИК'а.

Далее графа 5 книги вызывает недоумение, о какой именно регистрации договора идет речь. Относится ли это к регистрации отчуждаемых строений или подразумевается какая-либо другая регистрация (порядковый № в книге есть и речь идет о каком-то еще №)?

Имеющаяся в циркулярах сухая фраза: «Ст. 182 ГК к этим случаям неприменима», видимо, подлежит толкованию и увязке с нормами Зем. Код. и, в частности, со ст. ст. 83 и 89. Так, например, непонятно, имеет ли право член двора или его представитель (отец, сын), не выбывший из него в установленном порядке, приобретать строения и получать усадьбу. На практике такие случаи часты, подчас совершаются без ведома зем. о-ва, а ВИК'и все же сделки регистрируют.

И, наконец, нуждается в разъяснении вопрос о возможности предоставления зем. обществами «сторонним лицам» исключительно усадебных участков (конечно, помимо права застройки) без наделения их земельными наделами.

Положительное разрешение поставленных выше вопросов, с одной стороны, устранит излишние недоразумения среди населения и работников ВИК'ов и, с другой, избавит суды от излишних, кропотливых дел.

Запасный судья Кустанайского окрестного С. Губский.

Казахская АССР, г. Кустанай.

Как не следует толковать законов.

В № 41 «Е. С. Ю.» в разделе «Отклики о мест» помещена заметка А. Альбова по поводу постановления ОНК РСФСР от 31 декабря 1925 г. о предельных размерах пени за несвоевременные взносы арендной и квартирной платы, а также платежей за коммунальные услуги («С. У.» 1926 г. № 1, ст. 1).

Заметка эта может служить прекрасной иллюстрацией того, как не следует толковать законов. Особенно смущает автора п. 4 постановления. Пункт этот гласит: «По договорам о сдаче в аренду или субаренду торговых и складочных помещений, участков земли и других доходных статей, если в перечисленных договорах не имеется особой оговорки о неустойке за несвоевременный платеж аренды, а также в тех случаях, когда неустойка или пеня в них вовсе не включены, подлежащим государственным органам, а также жилищным товариществам предоставляется взимать пеню за несвоевременную уплату денежных взносов в размере не свыше 0,2% в день за все время просрочки». Согласно примечания к тому же пункту «наличие в указанных выше договорах пункта о неустойке не может служить препятствием к взысканию пени, если эта неустойка установлена на случай невыполнения других, кроме денежной платы, условий договора».

Казалось бы, что приведенный закон совершенно ясен и может быть формулирован в виде следующих положений: 1. По указанным в названном пункте договорам госорганов и жилищных товариществ вправе взимать пеню за просрочку арендных платежей в размере не свыше 0,2% в день. 2. Эту пеню они вправе взимать также и в тех случаях, когда о ней в договорах не упоминается. 3. В тех случаях, когда в договоре установлена за просрочку арендных платежей специальная неустойка, взимать за ту же просрочку еще и пеню они не вправе.

Так, повидимому, толкует приведенный пункт большинство госорганов и судебных мест. Но автор заметки считает такое толкование явно неправильным и полагает, что «по точному смыслу» этого пункта размер пени в указанных договорах может быть по соглашению сторон устанавливаем и свыше 0,2%.

К такому неожиданному выводу, находящемуся в полном противоречии как с целью, так и с текстом толкуемого им закона, он приходит путем следующего умозаключения: так как установленное законом ограничение размеров пени

касается только тех случаев, когда в договоре не имеется особой оговорки о неустойке за несвоевременный платеж аренды или когда неустойка и пеня в него вовсе не включены, след., в тех случаях, когда неустойка или пеня включены в договор, это ограничение отпадает.

Делая такое умозаключение, автор, сам того не замечая, допускает три грубых логических ошибки: 1) вставляет слово «только», которого в законе нет; 2) заменяет понятие о неустойке за несвоевременный платеж аренды понятием о неустойке за невыполнение других, кроме арендной платы, условий договора; 3) смешивает вопрос о размерах пени с вопросом о праве на ее взимание.

В результате, кроме неправильного вывода о допустимости взимания пени в размере, превышающем 0,2%, автор приходит и к другому, столь же неправильному выводу о возможности одновременного взыскания как пени за просрочку арендной платы, так и неустойки за ту же просрочку.

То же неправильное умозаключение приводит его и в дальнейшем недоуменным вопросам. Если установленное в п. 4 толкуемого закона ограничение размеров пени распространяется не на все поименованные в этом пункте договоры, то не следует ли отсюда заключить, что и другое устанавливаемое этим законом (п. 5) ограничение, воспрещающее дальнейшее начисление пени с того момента, когда размер начисленной пени достигнет половины общей суммы всех причитающихся поступлений, точно также распространяется не на все указанные договоры, а только на те из них, на которые не распространяется первое ограничение? Автор ставит этот вопрос по видимому, так и склонен думать. Иначе, — рассуждает он, — придется признать, что теряет всякий смысл конец п. 4, по которому ограниченная пеня взимается за все время просрочки. Как-будто закон, ограничивающий пеню в процентном отношении, не может одновременно ограничивать ее и в количественном отношении в тех случаях, когда общая сумма накопившейся пени достигает несоответственно крупных с точки зрения законодателя, размеров.

Так одно ошибочное заключение неизбежно влечет и другое, при чем забывается мудрое старое правило, согласно которого законы должны быть изъясняемы по точному их разуму, не допуская обманившего непостоянства произвольных толкований.

Г. Смоленск.

В. Глинка.

Обзор сов. законодательства за время с 1 по 8 декабря 1926 года.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР.

Финансы и кредит.

1. Пост. СНК СССР от 29 октября о фондах кредитования деревенской бедноты («Изв. ЦИК СССР» от 1 декабря, № 288) отменено пост. СНК СССР по тому же предмету от 17 марта 1926 г. («Собр. Зак. СССР» 1926 г., № 27, ст. 171). Последнее постановление предусматривало отпуск из общесоюзного бюджета в 1925—26 бюджетном году десяти миллионов рублей на образование общесоюзного фонда и устанавливало более или менее подробный порядок кредитования (основания кредитования, сроки ссуд, проценты по ним, органы кредитования). Соответственно с этим инструктирование и контроль за кредитованием возложены на Центральный Сельско-Хозяйственный Банк СССР. Однако, постановлением 2 сессии ЦИК Союза ССР III созыва от 25 апреля 1926 г. о едином государственном бюджете Союза ССР на 1925—26 бюджетный год («Собр. Зак. СССР» 1926 г., № 30, ст. 188) десятимиллионный фонд распределен по бюджетам союзных республик. Соответственно с этим и рассматриваемое постановление устанавливает образование не единого общесоюзного фонда кредитования, а нескольких фондов в качестве специальных капиталов союзных республик. Фонды образуются из бюджетных ассигнований, отчислений от банковских прибылей и др. источников, устанавливаемых законодательством союзных республик. В том же порядке устанавливается и порядок кредитования.

2. Пост. ЦИК и СНК СССР от 5 ноября об освобождении от гербового сбора заключаемых земельными органами договоров о поставке чистосортных семян («Изв. ЦИК СССР» от 1 декабря, № 288) применяется в отношении договоров, заключаемых с гос. семенными хозяйствами, сельско-хозяйственными трестами, союзами сельско-хозяйственной кооперации и семенными товариществами. Соответственно должны пере-

честь изъятий по гербовому сбору («С. У.» 1923 г., № 94, ст. 933).

3. Пост. СТО от 24 сентября о включении некоторых городов в табель ставок дополнительной ренты для городских земельных участков, занятых гос. предприятиями, находящимися в ведении центральных хозяйственных органов СССР («Изв. ЦИК СССР» от 5 декабря, № 282), действие постановления от 9 сентября 1926 г. («Собр. Зак. СССР» № 67, ст. 501) распространено на некоторые менее значительные города, в которых имеются предприятия общесоюзного значения. Табель ставок ренты соответственно дополнен.

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

Хозяйственное право.

1. Пост. СНК РСФСР от 10 ноября о порядке утверждения уставов гос. промышленных трестов, находящихся в управлении местных органов («Изв. ЦИК СССР» от 7 декабря, № 283), издано на основании постановления СНК Союза ССР от 22 марта 1926 г. по тому же предмету («Собр. Зак. СССР» 1926 г., № 33, ст. 223). Уставы промышленных трестов местного значения, составляемые местным органом народного хозяйства, представляются на утверждение в соответствующий исполнительный комитет по соглашению с органом народного хозяйства, которому подчинен местный орган, представляющий устав. Разногласия по поводу утверждения уставов разрешаются: в отношении трестов окружного значения, а также областей, включенных в районированные края, — крайними исполкомами; в отношении губернских трестов автономных республик — СНК подлежащей республики; во всех прочих случаях — ЭКОСО РСФСР.

2. Пост. ЭКОСО РСФСР от 4 ноября о раз'яснении примечания к п. «Б» ст. 3 положения о накладных расходах на строительные работы, производимые государственными учреждениями и организациями, а также жилищной кооперацией («Изв. ЦИК СССР» от 2 декабря, № 279), устанавливает, что льготный тариф по социальному страхованию предоставляется лишь в тех случаях, если маркоматы производят строительные работы хозяйственным способом («С. У.» 1926 г., № 37, ст. 293).

Административное деление.

3. Пост. Президиума ВЦИК от 6 декабря о ликвидации Гомельской губ. («Изв. ЦИК СССР» от 7 декабря, № 283) издано в соответствии с постановлением 1 сессии ВЦИК XI созыва о передаче Белорусской ССР Республике районов с преобладающим белорусским населением и в дополнение к постановлению Президиума ВЦИК по тому же вопросу от 3 марта и от 24 марта 1924 г. («С. У.» 1924 г., № 24, ст. 297, и № 39, ст. 357). Гомельский и Речицкий уезды в их существующих административных границах, включая и губернский город Гомель, передаются БССР. Остальные уезды ликвидируемой Гомельской губ. присоединяются к Брянской губ. Передача производится в месячный срок. До окончания работ паритетной комиссии, образуемой из представителей БССР и РСФСР под председательством представителя ЦИК Союза ССР и утверждения ее решений ЦИК союзных республик, управление губернией остается в ведении губисполкома.

4. Пост. Президиума ВЦИК от 22 ноября утвержден список городов авт. Карельской ССР («Изв. ЦИК СССР» от 3 декабря, № 280).

5. Пост. Президиума ВЦИК от 15 ноября утвержден список городов Бурято-Монгольской Авт. ССР («Изв. ЦИК СССР» от 8 декабря, № 284).

Финансы.

6. Пост. СНК РСФСР от 10 ноября об определении размеров ассигнований на зарплату учителям пунктов по ликвидации неграмотности и школьным учителям («Изв. ЦИК СССР» от 2 декабря, № 279) перераспределяет суммы, ассигнованные на долевое участие в расходах местных советов на зарплату школьным работникам и учителям пунктов по ликвидации неграмотности, определенными постановлением СНК РСФСР от 9 сентября 1926 года о распределении государственного субвенционного фонда на 1925—26 бюджетный год по отраслям хозяйства и по административно-территориальным единицам РСФСР («С. У.» 1925 г., № 66, ст. 526). Ассигнование на субвенцию школьным работникам несколько увеличено за счет уменьшения субвенции по ликвидации неграмотности соответственно с выяснившимся масштабом работ по организации пунктов ликвидации.

7. Соображениями режима экономии и упрочения бюджетной дисциплины вызвано издание пост. ЭКОСО РСФСР от 13 ноября о мерах к своевременному рассмотрению заключительных балансов гос. предприятий и акц. обществ с участием

гос. капитала («Изв. ЦИК СССР» от 8 декабря, № 284). Пост. обязывает все гос., торговые, промышленные и др., состоящие на хозяйственном расчете предприятия, республиканские и местные, а также акционерные общества, с участием государственного капитала, представлять в финорганы свои заключительные балансы за 1925—26 г. одновременно с представлением их в свои ведомства, но не позже сроков, указанных в правилах публичной отчетности промышленных и торговых предприятий и кредитных учреждений от 24 августа 1926 года («С. З.» № 60, ст. 452). Непредставление балансов в установленные сроки влечет за собой, сверх уголовной или дисциплинарной ответственности руководителей предприятий, также право финорганов изымать в бесспорном порядке в доход казны или в местный бюджет 25% ежемесячно с суммы, предусмотренной бюджетом, как доходное поступление по данному предприятию. Также за финорганами оставлено право изъятия бесспорной части прибыли данного предприятия, если в междоветовенной комиссии по рассмотрению балансов не будет достигнуто соглашения о размере прибыли и вопрос этот поступит на разрешение ЭКОСО РСФСР или подлежащих исполкомов. На шаркоматы РСФСР возложена обязанность принятия решительных мер к соблюдению правил публичной отчетности подведомственными им предприятиями.

8. Пост. ЭКОСО РСФСР от 21 октября о понижении ставок основной ренты для городских земель в ряде городов Северо-Кавказского края («Изв. ЦИК СССР» от 2 декабря, № 279) издано на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 19 июня 1925 года о порядке исключения отдельных поселений из таблицы ставок основной ренты для городских земель и о понижении ставок таковой («Собр. Зак. СССР» 1925 г. № 41, ст. 298).

Просвещение.

9. Пост. СНК РСФСР от 10 ноября о пополнении состава Всероссийского комитета содействия промышленно-экономическому (коммерческому) образованию при Нар. Ком. Торг. РСФСР («Изв. ЦИК СССР» от 7 декабря, № 283) в состав постоянных членов комитета введены представители Всероссийского союза промысловой кооперации, отделения профессионального образования Московского губернского отдела народного образования, Московской товарной биржи и межкооперативного совета города Москвы. В соответствии с этим изменено положение об указанном комитете от 4 марта 1925 г. («С. У.» № 18, ст. 120).

10. Пост. СНК РСФСР от 10 ноября о снабжении произведениями печати Центральной гос. библиотеки имени Октябрьской Революции в городе Днепропетровске («Изв. ЦИК СССР» от 7 декабря, № 283) дополнены постановления СНК РСФСР от 21 ноября 1924 года о предоставлении экземпляров произведений печати в Российскую центральную книжную палату («С. У.» 1924 года № 83, ст. 891), от 29 июня 1925 года о снабжении литературой Российской книжной палаты («С. У.» 1925 г. № 54, ст. 399) и от 24 июля 1926 года об увеличении числа обязательных экземпляров газет, представляемых полиграфическими предприятиями города Москвы и Ленинграда в Государственную Центральную книжную палату («С. У.» 1926 г. № 49, ст. 362). Все предприятия полиграфической промышленности (типографии, типо-литографии и т. п.), как гос., так и частные, обязаны высылать один экземпляр выпускаемых ими изданий в указанное Центральное книгохранилище союзной республики Украины.

Советское строительство.

11. Во исполнение пост. Президиума ЦИК СССР от 19 ноября о сроке созыва очередного Всесоюзного Съезда Советов (см. предыдущий обзор), издано пост. Президиума ВЦИК от 22 ноября об установлении сроков избирательной кампании 1926—27 года по РСФСР («Изв. ЦИК СССР» от 8 декабря, № 284). Сроки перевыборов советов и созыва съездов, не исключая республиканских, краевых, губернских и областных, назначены с 1 января по 1 апреля 1927 года.

Административное право.

12. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 25 октября об изменении ст. 3 пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июня 1923 г. («Изв. ЦИК СССР» от 1 декабря, № 279), сохраняя в силе положение о выдаче удостоверений личности по месту жительства граждан, возлагает обязанность выдачи этих удостоверений на органы милиции не только в городских поселениях и рабочих поселках, в которых образованы городские советы, но также и в районах районированных областей и в укрупненных волостях; за волостными органами оставлена лишь выдача удостоверений в неукрупненных волостях (см. «Собр. Узак. РСФСР» 1923 г. № 61, ст. 575).

Земельное право.

13. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 18 октября о правилах оказания помощи и льгот при землеустройстве кочевому и полукочевому населению Калмыцкой авт. области («Изв. ЦИК СССР» от 2 декабря, № 279) на Калмыцкую распространены правила, издаваемые по тому же предмету для Казахской АССР и утвержденные постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 19 июля 1926 г. («С. У.» 1926 г. № 45, ст. 344). Внесены лишь некоторые, преимущественно редакционного характера изменения.

Труд.

14. Пост. ЭКОСО РСФСР от 23 октября утверждена инструкция по составлению операционных планов работ по охране труда («Изв. ЦИК СССР» от 2 декабря, № 279).

Гос. страхование.

15. Пост. ЭКОСО РСФСР от 29 октября утвержден план использования средств из прибылей Гл. Правл. Гос. Страхования СССР по операциям добровольного и обязательного неокладного от огня страхования за 1923—24 операционный год, отчисленных на меры предупреждения и борьбы с пожарами по РСФСР («Изв. ЦИК СССР» от 3 декабря, № 280).

М. Брагинский.

Хроника.

Подведомственность торговых предприятий.

Наркомторгом РСФСР представлено в президиум Госплана РСФСР заключение по вопросу о передаче торговых из ведения ВСНХ РСФСР в ведение Наркомторга РСФСР, разработанному секцией торговли Госплана.

Соглашаясь с основными положениями, выдвинутыми секцией, Наркомторг считает необходимым представить свои соображения о связи торгов с местной промышленностью. По мнению Наркомторга, связь эта, за немногими исключениями, невелика. Но даже в тех случаях, когда торгов и связь с промышленностью, этот фактор не может иметь решающего значения при решении вопроса о том, в чьем ведении должны находиться торги.

Торги, это—резервный государственный торговый аппарат, которым государство маневрирует на торговом фронте, используя его там, где основные товаропроводящие системы не охватили еще всего рынка. Вопрос о связи торгов с местной промышленностью для торга не является какой-то организационной необходимостью, а является вопросом коммерческой целесообразности. Поскольку в работе госторговли проводится определенная плановость, постольку Наркомторгу, как планирующему и регулирующему органу, необходимо, чтобы госторговля находилась под максимальным его воздействием. Поэтому Наркомторг РСФСР высказывается за передачу местных торгов из ведения ВСНХ в ведение Наркомторга. Исключение может быть сделано лишь для тех промторгов, для которых его собственные предприятия составляют главную часть работы.

Обязательные формы публичной отчетности.

НКФ СССР совместно с НК РКИ, ВСНХ, Наркомторгом и ЦСУ разработал инструкцию об обязательных формах публичной отчетности и об обязательном обмене контокоррентных выписками.

Согласно инструкции, госпромышленные предприятия и синдикаты, торговые госпредприятия, госнароходства, союзы кооперативов всех степеней и первичные кооперативы по особому списку, концессионные предприятия и иностранные общества на территории СССР и некоторые категории частных промышленных и торговых предприятий обязаны опубликовывать годовые балансы, счета прибылей и убытков и сведения о распределении прибылей или о покрытии убытка по специальным формам, установленным инструкцией для каждой категории предприятий.

Все перечисленные предприятия представляют заключительные годовые балансы в НКФ Союза, союзных республик и их местным органам по принадлежности с отчетными приложениями по установленному индивидуализованному для отдельных групп предприятий описку.

К годовому балансу прилагаются также объяснительная записка и заключительные ревизионной комиссии, подтверждающие реальность баланса и правильность отчетных сведений и дающие оценку оперативной работы предприятия.

В соответствии с постановлением СНК СССР от 22 сентября 1925 г., в инструкцию введены правила обязательного

обмена контокоррентными выписками из лицевых счетов контрагентов предприятий.

Выписки составляются кредиторами и направляются дебиторам не позднее месячного срока со дня окончания операционного года. Выверенные выписки возвращаются кредиторам не позднее 1½ месяцев со дня получения их. Неполучение обратно выписок в установленный срок рассматривается сторонами, как подтверждение их правильности.

В виду различного толкования правил публичной отчетности по некоторым пунктам инструкции между заинтересованными ведомствами возникли разногласия. Так, ВСНХ, НК РКИ и НКТорг не считают возможным включение в инструкцию перечня приложений к балансам; кроме того, наравне с обменом контокоррентными выписками ВСНХ считает возможным допустить обмен извещениями об остатках задолженности.

Для устранения возникших разногласий НКФ СССР вошел в СНК Союза с проектом о разъяснении некоторых статей правил публичной отчетности и частичных дополнениях.

Ответственность членов общества взаимного кредита по долгам общества.

НКФ РСФСР разъяснил (раз'ясн. № 7211/01 от 25 октября 1926 г.), что по точному смыслу § 3 нормального устава общества взаимного кредита член общества взаимного кредита выдает обязательство о принятии на себя ответственности по долгам о-ва лишь в пределах выданного им обязательства, т.-е. в размере десятикратного его членского взноса.

Выдача каких-либо иных обязательств, кроме указанного, нормальным уставом ОБК нигде не устанавливается. Таким образом, взыскание с члена ОБК во всех случаях в принудительном порядке возможно произвести лишь в пределах данного членом обязательства.

§ 26 нормального устава совершенно определенно указывает, что убытки о-ва распределяются между членами «пропорционально принятому каждым из них обязательству отвечать по операциям о-ва», при чем само взыскание в случае неисправности члена произойдет из членского взноса и обеспечений, представленных в о-во, следовательно не иначе, как на основании § 3 устава.

Имея в виду, что § 26 по существу прямо связан с § 3 и что никаких иных обязанностей, кроме ответственности в размере открываемого кредита, член о-ва не несет, а устав нигде не устанавливает возможности каких-либо дополнительных обязанностей для члена о-ва, необходимо признать, что взыскания, производимые с члена в порядке § 26, могут включаться только в ответственность члена, принимаемую таковым в силу § 3 устава.

Из указанного выше общего правила, не представляет никаких исключений и § 82 устава, так как добровольность, устанавливаемая § 82 устава, заключается лишь в праве общего собрания членов ОБК или признать общество подлежащим ликвидации, или постановить о пополнении оборотного капитала, т.-е. о продолжении деятельности о-ва.

§ 26 нормального устава имеет полное применение также к случаям, предусмотренным § 82 устава.

На основании изложенного следует сделать вывод, что все взыскания, производимые принудительным порядком с члена ОБК в покрытие его ответственности, должны входить в счет десятикратной ответственности члена ОБК.

Производство взносов в порядке § 26 устава на покрытие убытков может иметь место одинаково как при наличии убытков, не достигающих одной трети капитала, так и в случае превышения означенного размера убытков, если о том состоялось постановление общего собрания.

Указанный взнос для членов о-ва является обязательным и засчитывается в счет их десятикратной ответственности в пределах § 3 устава, при чем правление о-ва обязано урегулировать размер членского взноса в соответствии с десятикратной ответственностью члена по долгам общества.

В результате названных действий, однако, не должно создаться положение, при котором о-во должно подлежать ликвидации, согласно предписания п.п. «а» и «б» § 80 устава.

Назначение неустойки в заключаемых госпредприятиями договоров.

НКТорг РСФСР и ВСНХ РСФСР предложили подведомственным им госпредприятиям (ц. № 30—«Сб. прик. ВСНХ» № 9—26 г.) принять необходимые меры к тому, чтобы хозяйственная сторона отношений контрагентов находила себе сочное и отчетливое выражение в договорах и чтобы права и обязанности сторон в отношении исполнения договора, сроков этого исполнения, в частности, в отношении

спецификации поставляемых материалов и товаров или имеющих быть производимыми работ не могли возбуждать сомнений при исполнении обязательства.

Включение в договор неустоек должно иметь целью только побуждение сторон к заботливому исполнению обязательств и возмещению убытков на случай неисполнения договора; включение же в договор неустойки, имеющей целью совершенно неосновательное обогащение одного предприятия за счет другого, является совершенно недопустимым. Во всяком случае размер неустойки за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора должен стоять в соотношении со стоимостью исполнения и значением договора для хозяйственных заданий предприятия; неустойка же за несвоевременное исполнение (пена) договора не должна превышать 0,2% в день стоимости подлежащего исполнению обязательства или части его.

В тех случаях, когда убытки от несвоевременного исполнения могут быть более 0,2% в день, надлежит особо оговаривать право на взыскание убытков с неисправного контрагента сверх неустойки, имея в виду, что одновременное взыскание убытков и неустойки допускается в силу примечания к ст. 114 ГК лишь в случаях, особо указанных в законе или в договоре.

Реализация неликвидных фондов органами ВСНХ.

ВСНХ СССР разрешил подведомственным ВСНХ СССР трестам производить с публичных торгов продажу неликвидного имущества, подпадающего под признаки, указанные в ст. 6 постановления ЦИК и СНК СССР об отчуждении государственного имущества от 11 июня с. г. («Собр. Зак.» № 42, ст.ст. 304 и 305) без предварительного в каждом отдельном случае разрешения ВСНХ, но по ценам не ниже справочной реальной оценки, установленной при выявлении этого имущества по указанным балансам.

Продажу этого имущества другим госпредприятиям и учреждениям разрешается производить и без публичных торгов, в порядке, за цены и на условиях по взаимному соглашению (приказ ВСНХ № 1005 1926 г.—«Торг.-Пром. Газ.», № 202).

Пособия по безработице.

Цустрах прорабатывает в настоящее время вопрос о пособиях по безработице. Безработных в отношении размера пособия предполагается разбить на три категории: квалифицированные, полуквалифицированные и неквалифицированные. Для 1 категории предполагается установить норму в 35% средней заработной платы данной местности, для второй—25% и для третьей категории—20%. Кроме того, предполагается выдача семейных надбавок—до 35% основного пособия. При этом предполагается установить правило, по которому общая сумма пособия вместе с семейными надбавками не должна превышать 50% прежнего заработка безработного.

Определение средней заработной платы данной местности, принимаемой за основу при установлении норм пособий.

Согласно пост. Совязного Совета соц. страх. № 236/923 от 27 сентября 1926 г. («Труд», № 280) средняя заработная плата данной местности исчисляется два раза в год на основании материалов страховых органов по расчетным ведомостям о заработной плате, выплаченной страхователями в марте и октябре.

Страховые кассы на основании карточного каталога устанавливают: общее число застрахованных, состоящих на учете кассы на первое и последнее числа марта или октября; сумму выплаченной в течение марта или октября заработной платы.

Среднее число застрахованных за март или октябрь определяется путем сложения числа застрахованных на первое и последнее числа указанного месяца и деления результата на два. Средняя заработная плата определяется путем деления суммы заработной платы на среднее число застрахованных.

Средняя заработная плата устанавливается комиссией, образуемой при комитете губернской (или соответствующей) страховассы в составе представителей губернского (или соответствующего ему) совета профессиональных союзов, органа статистики труда и страховой кассы по сверке представленных страхователями данных с данными отдела статистики труда губернского (или соответствующего ему) совета профессиональных союзов два раза в год—не позднее 1 июля и 1 января.

Установленная к 1 июля и 1 января средняя заработная плата принимается за основу при установлении норм пособий и предельных размеров пенсий, действующих с 1 июля по 1 января и с 1 января по 1 июля.

Исчисление трудового стажа инвалидов труда.

Союзный Совет соц. страх. постановил (пост. № 225/921 1926 г.—«Труд», № 249), что инвалиды труда вследствие старости (т.-е. инвалиды труда, стойкая нетрудоспособность которых установлена по достижении ими 50-летнего возраста), имеют право на пенсию по инвалидности при условии непрерывной работы по найму в течение 8 лет непосредственно до оставления ими работы по найму.

Перерывы в работе, происшедшие вследствие временной утраты трудоспособности, засвидетельствованной соответствующим лечебным учреждением или страховым органом, засчитываются в стаж работы по найму.

Не прерывает течения стажа работы по найму, но не засчитывается в этот стаж: время нахождения в рядах Красной армии и флота; время безработицы, зарегистрированной в посреднических органах НКТ, а в местностях, где таковые отсутствуют, — в соответствующем профсоюзе, независимо от наличия права на пособие по безработице; время перерывов в работе по найму без регистрации в посреднических органах НКТ, или в соответствующем профсоюзе, если каждый перерыв не превышает шести месяцев и если общая продолжительность всех перерывов не превышает 2 лет; время обучения в учебных заведениях; время получения пенсии от дореволюционного правительства по одному из ведомств; время нахождения под стражей. При установлении стажа работы по найму лиц, занятых на работах, носящих сезонный характер и подлежащих страхованию по инвалидности, сезон работы считается за год работы.

Перерывы во время сезона не прерывают стажа работы по найму, если каждый перерыв не превышает 3 месяцев, и при условии, если общая продолжительность всех перерывов не превышает одного года.

Лица получавшие пенсии как инвалиды труда и поступившие на работу после назначения им пенсии, обеспечиваются в случае оставления работы в возрасте старше 50 лет вне зависимости от длительности их стажа работы по найму.

Не засчитывается в стаж работы по найму и прерывает течение стажа время службы в полиции, жандармерии и других административных и судебных органах при царском строе, имевших своим назначением борьбу с революционным движением.

Раз'яснения по сельхозналогу.

НКФ СССР раз'яснил: Пол. о сельхозналоге точно определяет перечень неземледельческих доходов, не привлекаемых к обложению, при чем доходы от охоты этим перечнем не предусмотрены. Пол. о сельхозналоге утверждено 25 апреля 1926 г., т.-е. после постановления об охотничьем сборе, и тем самым поглощает последнее. Таким образом, вопрос о включении доходов от охоты в перечень неземледельческих заработков, привлекаемых к обложению сельхозналогом, должен быть разрешен местными исполкомами в порядке ст. 3 пол. о сельхозналоге, при чем к обложению должны привлекаться доходы от охоты лишь в тех хозяйствах, где это занятие носит промысловый характер (ц. № 691 1926 г.—«В. Ф.», № 79).

Освобождение от обложения с.-х. налогом неземледельческих заработков городского населения, занимающегося сельским хозяйством, распространяется как на лиц, ведущих сельское хозяйство в черте города, так и на лиц, ведущих таковое на землях, расположенных за городской чертой. Это, однако, не относится к членам семей крестьянских хозяйств, проживающих в городах. (Раз. НКФ РСФСР Татнаркомфину).

По автономным республикам.

Два года работы главного суда Якутской АССР.

Организованный только в первой половине 1924 г. главный суд Якутской АССР обслуживает население 295.725 чел., расположенное на громадной территории в 3.117.825 кв. верст.

В настоящее время личный состав суда состоит из 7 чел., по партийности, национальности, полу и стажу работы в Главсуде распределяющихся следующим образом: членов ВКП (б)—3; беспартийных—4; мужчин—6; женщин—1; русских—3; якутов—4; с 2-год. стажем—2; с 1-год. стажем—2; со стажем менее 1 года—3 лица.

За эти два года своего существования главсуд работал лишь как судебный орган и не осуществлял задач судебного управления.

Движение дел по главсуду выражается в следующих цифрах: по уголов. отделению в 1924 г., начиная с 1 апреля, было

принято от ревтрибуналов и проч. 46 дел, поступило до 1 января 1925 г. 419, окончено за то же время 458, осталось на 1 января 1925 г. 7 дел.

В 1925 г.: поступило в течение 1925 г. 423 дела, окончено за то же время 410, осталось на 1 января 1926 г. 20 дел.

В 1926 году (с 1 января по 31 марта): поступило с 1 января по 31 марта 72 дела, окончено за то же время 67, осталось на 1 апр. 1926 г. 25 дел.

Таким образом, за 1924 г. окончено 98% угол. суд. дел и в 1925 г.—95%. За эти два года на приговоры суда в Верховный Суд подано всего 19 кассационных жалоб и 2 кассационных протеста. Верховным по 11 делам приговоры утверждены, по 6 делам отменены, а остальные дела из Верховного не получены.

По роду преступлений за 1925 г. главным образом, возникали дела о должностных преступлениях (196 дел или 45,5%); по имущественным преступлениям 90 дел или 20,9%; по преступлениям против жизни, здоровья и достоинства личности 71 дело или 16,5%; такое же отношение в процентах наблюдается и за 1926 г.

За 1924 год было осуждено 71 лицо, из них рабочих 31, крестьян 14, служащих 16 и прочих 10 человек. За 1925 г. осуждено 61 чел., из них рабочих 24 ч., крестьян 10 чел., служащих 21 чел., прочих 6 чел.; эти лица приговорены к лишению свободы от 5 до 10 лет—14 чел., от 2 до 5 лет—49 чел., от 1 до 2 лет—29, от 6 мес. до 1 года—4, до 6 мес.—2, условно—34 чел. Другие меры соц. защиты не применялись.

Всего по уголов. отд. было заседаний: в 1924 г. судебных 44 дела, распорядительных 113; в 1925 г. судебных 66, распорядительных 135; в 1926 г. до 1 апр. судебных 11, распорядительных 20 дел.

В отделения дела рассмотрением задерживаются обычно в продолжение 2—3 мес.; в редких случаях задерживаются до 7—8 мес., но такая задержка вызывается нашими путями сообщения, громадными расстояниями, разбросанностью населения и продолжительными периодами распутицы.

Движение дел по уголов.-касс. отделению за эти же годы было таково: перешло от совнарсуда 1 апр. 1924 г. 83 дела, поступило по 31 декабря 1924 г. 124, окончено 188, осталось неоконченных на 1 янв. 1925 г. 19 дел.

За 1925 г.: поступило в течение года 121 дело, окончено 83, осталось неоконченных на 1 января 1926 г. 57 дел.

За 1926 г. по 31 марта: поступило по 31 марта 20 дел, окончено за то же время—47, осталось неоконченных на 1 апреля 1926 г. 30 дел.

Таким образом, в 1924 г. окончено 90,4%, в 1925 г.—59%; и в 1926 г. за I квартал—61% всех бывших в производстве дел. Не излишне заметить, что в результате кассационной работы суда значительно улучшилась работа нарсудов, что выражается в постепенном уменьшении поступления кассационных жалоб.

По отделению было заседаний: в 1924 г. 105, в 1925 г. 68 и за I квартал 1926 г. 32.

Слабость пропускной способности кассотделения объясняется частыми переменами в личном составе суда и малоподготовленностью плановых судебных работников, из-за чего часто приходится писать длинные раз'яснительные определения, служащие для нарсудов материалом, заменяющим инструкции.

Движение дел по гражд. отделению характеризуется следующим рядом цифр: в 1924 г. поступило 41 дело, рассмотрено—25; в 1925 г. было в производстве 61 дело, окончено 25; в 1926 г. (за I квартал) было в производстве 40 дел, окончено 22, осталось неоконченных на 1 апреля 18 дел. Число судебных заседаний: в 1924 г.—11, в 1925 г.—25, в 1926 г.—12.

За все время было подано в Верховный Суд касс. жалоб 5, из них одна удовлетворена, а остальные еще не получены обратно. Поступившие дела рассмотрением не задерживаются дольше 3 месяцев, и, как исключения, лежат дела, в которых неправильно указаны адреса ответчиков.

По гражд. касс. отд. принято 1 апреля 1924 г. от б. совнарсуда 30 дел; поступило с 1 апреля по 31 декабря 1924 г. 169, окончено за то же время 164; на 1 января 1925 г. осталось неоконченных 35 дел, поступило в течение года 207, окончено 203; на 1 января 1926 г. осталось неоконченных 39 дел, поступило до 1 апреля 1926 г. 66 дел, окончено за тот же период 60; осталось неоконченных на 1 апреля 1926 г. 45 дел. Из этого видно, что по гражд. касс. отделению в 1924 г. окончено 82,4%, а в 1925 г. 83,5% из всех бывших в производстве дел.

В отношении процента отменяемости как решений, так и приговоров нарсудов в начале работы главсуда дело обстояло плохо, но с течением времени качество работы нарсудов заметно улучшается. Главной причиной плохого качества

работы, нарсулов является их полная юридическая неподготовленность и материальная необеспеченность. Лучшие работники не остаются на должности нарсулов, плохо оплачиваемой и содержимом на местном бюджете, а переходят в другие учреждения. На место перешедших приходится выбирать новых лиц, не имеющих практики по судебным делам и юридически неграмотных.

В целях приближения суда к населению главсуд, по мере накопления дел, организует в отдаленные округа выездные сессии суда. Такие сессии по недостатку денежных средств устраивались, однако, редко. Так, за эти 2 года главсудом было послано в Вилюйский окр. 2 сессии, в Олекминский — 3 сессии, в Алданский окр. — 2 сессии. Выездные сессии доезжают до самых отдаленных улусов, нередко отстоящих на тысячу с лишним верст от г. Якутска. В большинстве случаев сессия выезжает зимой, когда нет естественных препятствий, и потому снаряжение одной сессии обходится главсуду очень дорого. Другим методом приближения суда к населению является устройство показательных процессов. За 2 года было устроено 7 таких процессов в г. Якутске.

В виду того, что у главсуда были изъятые функции по судебному администрированию, вся работа суда по руководству ограничивалась производством ревизий деятельности нарсулов на местах председателем выездных сессий.

В 1925 г. в целях улучшения низовых судебных аппаратов были созданы окружные совещания судработников с участием представителей органов дознания. Для организации таких совещаний в отдаленных округах были командированы члены суда. Так были проведены совещания в Вилюйском, Олекминском, Алданском и Якутском округах.

Подытоживая сказанное, надо признать, что отрицательными явлениями в деятельности главсуда следует считать:

1. Текучесть личного состава суда, вследствие чего нет никакой преемственности по проведению известного плана работы.

2. Недостаточность отпускаемых на раз'езды средств, вследствие чего является невозможность увеличить число выездных сессий и показательных процессов выше норм прошедших годов.

3. Полное отсутствие в округах уполномоченных главсуда, вследствие чего оказывается недостаточным инструктирование нарсулов, так как два инструктора НКЮ ЯАССР не могут удовлетворить потребность судебных работников в инструктировании.

4. Материальная необеспеченность работников низовых судебных органов, состоящих на местном бюджете, несвоевременная выплата им заработной платы, а отсюда уход лучших работников в другие учреждения и замещение их лицами, недостаточно подготовленными к судебной работе.

Главсуд и НКЮ ЯАССР возбудили перед центром ряд ходатайств по изъятию отмеченных явлений. Остается выразить надежду, что центр не оставит без внимания эти ходатайства, что главсуд получит возможность углубить и расширить свою деятельность.

С. Ксенофонов.

Якутск.

Библиография.

Систематический сборник по социальному обеспечению. Составили: Д. И. Гутцайт, Г. П. Дементьев и М. А. Модель. Под общей редакцией И. К. Ксенофопова и А. М. Хмяляйна. 2 тома. Изд. «Взаимопомощь». М. 1926 г. Цена за оба тома 5 руб.

Двухтомный «Систематический сборник по социальному обеспечению» составлен ответственными работниками Наркомсобеса под общей редакцией руководителей Наркомата. Он является таким образом, если не официальным, то, во всяком случае, официальным сборником действующего законодательства по вопросам государственного обеспечения, крестьянской общественной взаимопомощи и кооперации инвалидов. Если к этому прибавить, что до сих пор в нашей юридической литературе не было ни одной сводки действующего законодательства в области социального обеспечения, то понятен тот интерес, который должно вызвать к себе появление сборника.

Надо сказать, что в общем сборник оправдывает свое название полного и систематического свода. И практический работник, непосредственно работающий в области социального обеспечения, и всякий иной государственный или общественный работник, нуждающийся в разрешении того или другого вопроса из области собеса для помощи ли населению или для какой-либо отрасли советского строительства, найдет в нем

исчерпывающий материал для ответа. Сборник охватывает весь правовой материал, относящийся к сфере социального обеспечения. В нем помещены не только законы, касающиеся непосредственно социального обеспечения, не только инструкции и циркуляры Наркомсобеса, но и все законы, инструкции и циркуляры, изданные по линии других ведомств, наркоматов финансов, земледелия, народного просвещения, здравоохранения и др., в том или другом отношении затрагивающие нужды населения, заинтересованного в вопросах собеса.

Весь этот обширный правовой материал расположен в систематическом порядке, с подразделением по отдельным отраслям, видам и формам социального обеспечения, вследствие чего законодательное или ведомственное постановление помещается в извлечениях, относящихся к трактуемой сборником теме, если только оно целиком не посвящено этой теме. В последнем случае постановление печатается целиком.

Такое расположение правового материала можно только приветствовать, так как благодаря ему каждый вопрос социального обеспечения освещен с точки зрения законодательных и ведомственных источников с исчерпывающей полнотой. За первую часть, в которой помещены основные постановления, следует вторая часть, разделенная на пять отделов: 1) обеспечение инвалидов войны, семей, лишившихся кормильца, и семей военнослужащих; 2) обеспечение лиц, не подлежащих социальному страхованию (научных работников ВУЗ'ов и рабочих факультетов, лиц, имеющих исключительные заслуги перед республикой, глухонемых и слепых и др.); 3) крестьянская взаимопомощь; 4) трудовые объединения инвалидов; и 5) организационно-финансовая структура органов социального обеспечения. Каждый отдел разбит на разделы, в свою очередь делящиеся на главы, в которых каждое постановление отнесено к отдельному параграфу. Сборник доведен до 15 декабря 1925 г.

Помимо законодательного и ведомственного материала, каждая глава сопровождается раз'яснениями составителей, имеющими своей целью установить взаимоотношение между помещенными в главе источниками. Мы должны констатировать, что по полноте правового материала, систематизации его расположения и его кодификации сборник заслуживает полного одобрения.

Составители сборника не ограничились, однако, сводкой и систематизацией действующего законодательства о социальном обеспечении. Они предпослали сборнику особое введение, содержащее краткий обзор советской системы социального обеспечения и дополнили его большой статьей (больше 4 печатных листов) о социальном страховании в СССР. Против введения возражать не приходится. Оно помогает ориентировке в обширном материале сборника, а, с другой стороны, никогда не вредно напомнить многим «пессимистам», что число пенсioneеров, получающих помощь из государственного бюджета, дошло в СССР в 1925/26 году до 400.000 человек, что органы крестьянской взаимопомощи поддерживали в РСФСР на 1 апреля 1925 г. 2.985 учреждений (больницы, школ, инвалидных домов и т. п.), и оказали материальную помощь 683.425 крестьянским хозяйствам, а трудовую — 301.195 хозяйствам. Если к этому прибавить 4.251 трудовую артель инвалидов с 53.310 членами, из которых 48,6% занимаются производственной деятельностью, а 39,6% — смешанного производственно-торгового типа, при чем средний заработок кооперативного инвалида в городах составляет в среднем 40—45 рублей в месяц, то картина творческой работы советского государства и в сфере социального обеспечения при всех трудностях нашего переходного времени явится достаточно яркой.

Но трудно понять, зачем понадобилась составителям сборника большая статья о социальном страховании. Она не имеет справочного характера и излагает по необходимости сжато и неполно основные институты соцстраха. В задачи сборника входило лишь провести точную грань между законодательством о собесе и соцстрахе, и это нужно было сделать во введении к сборнику, где этот кардинальный для составителей вопрос едва затронут. Вместо не связанной со всем планом сборника статьи о социальном страховании, надо было расширить алфавитно-предметный указатель, который слишком недостаточен для той массы источников, которая систематизирована в сборнике, содержит много пропусков и совершенно не включил в круг своих указаний всех дополнительных законоданий и распоряжений, вышедших за время печатания сборника и помещенных во 2-м томе.

Издан сборник очень хорошо: печать, бумага, шрифт напоминают заграничные сборники. Цена за 2 тома более, чем в 30 листов каждый и в напке — 5 руб. — недорого.

Д. Розенблюм.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

СОДЕРЖАНИЕ: Циркуляры НКЮ №№ 208, 215, 216, 217.—Инструктивное письмо УНК Верхсуда № 2.

ЦИРКУЛЯРЫ НАРКОМУСТА.

Инструкция НКВД № 388, НКЮ № 208,
НКСО № 77, ЦККОВ № 61.

О взаимоотношениях волостных исполнительных комитетов и сельских советов с волостными и сельскими комитетами крестьянских обществ взаимопомощи.

На основании ст. 24 п. «с» пол. о волостных с'ездах советов и волостных исполнительных комитетов («С. У.» 1924 г. № 62, ст. 826), ст. 13 пункта «в» пол. о сельских советах («С. У.» 1924 г. № 82, ст. 827) и ст.ст. 7, 19, 20, примечания к ст. 21 и ст. 25 пол. о крестьянских обществах взаимопомощи («С. У.» 1924 г. № 81, ст. 813), а также в целях установления наиболее правильных взаимоотношений волисполкомов и сельсоветов с волостными и сельскими крестьянскими обществами взаимопомощи, НКВД, НКЮ, НКСО и ЦККОВ РСФСР настоящим предлагают таковым руководствоваться в своей деятельности нижеследующими правилами:

1. Крестьянские общества взаимопомощи, способствуя осуществлению политики Советской власти в организации советской общественности на селе, являются одними из наиболее важных ячеек в деревне.

В связи с этим волисполкомам и сельсоветам надлежит усилить свое внимание к обществам взаимопомощи и их комитетам для оказания практической помощи таковым в осуществлении ими возложенных на них обязанностей, учитывая при этом, что крестьянские общества взаимопомощи смогут успешно проводить свои задачи лишь при условии установления правильных взаимоотношений с волисполкомами и сельсоветами и обеспечения для них большего внимания и содействия со стороны волисполкомов и сельсоветов.

2. Волисполкомы и сельсоветы не имеют права, как общее правило, вмешиваться в текущую оперативную работу крестьянских обществ взаимопомощи.

3. Крестьянские общества взаимопомощи своими денежными и натуральными фондами распоряжаются непосредственно и независимо от волисполкомов и сельсоветов.

Самовольные пользования фондами КОВ со стороны волисполкомов и сельсоветов являются недопустимыми и подлежащими уголовной ответственности.

4. Волисполкомы и сельсоветы оказывают крестьянским обществам взаимопомощи следующие виды содействия:

а) обслуживают безвозмездные нужды КОВ своими техническими аппаратами, способствуют правильной постановке делопроизводства и отчетности в комитетах КОВ, однако, имея при этом в виду недопустимость полного слияния технических аппаратов волисполкомов, сельсоветов и КОВ;

б) осуществляют оказание всякого рода государственной помощи нуждающемуся крестьянскому населению через КОВ;

в) разъясняют сельскому населению идеи крестьянской взаимопомощи, а также созывают по своей инициативе общие собрания граждан (сходы) для учреждения КОВ в тех местах, где таковые не организованы;

г) способствуют укреплению и развитию материально-финансовых фондов КОВ путем предоставления таковым преимущественного права перед прочими соискателями на получение в арендное пользование на льготных условиях различных предприятий базарных площадей и т. д.;

д) поддерживают в необходимых случаях ходатайства КОВ перед надлежащими земельными органами в предоставлении им земельных участков для общественной запашки и пользования;

е) предоставляют в распоряжение и пользование КОВ безхозяйные строения;

ж) принимают на себя защиту в необходимых случаях различных хозяйственных и правовых интересов КОВ перед государственными, общественными и прочими организациями;

з) принимают надлежащие меры к передаче КОВ'ам имущества бесхозяйных и выморочных крестьянских дворов, а также и прочих видов имущества, подлежащих передаче КОВ'ам, согласно действующего законодательства.

5. Оказывая всемерное содействие КОВ'ам, волисполкомы и сельсоветы следят:

а) чтобы фонды КОВ расходовались в соответствии с их планами, утвержденными высшими органами КОВ, в согласии с постановлениями общих собраний членов КОВ и исключительно на нужды, предусмотренные подложником о крестьянских обществах взаимопомощи;

б) чтобы в работе КОВ не наблюдалось торговых и вредных хозяйственных уклонов (увеличение торговой деятельности, сдача общественных земельных участков исполу и т. д.);

в) чтобы на содержание аппарата КОВ не расходовались средства выше установленной нормы;

г) чтобы работа в целом КОВ'ами велась на основании положения о КОВ, действующих законоположений и изданных в развитие их инструкций, циркуляров и т. п.

6. Обнаружив недочеты и нарушения в работе КОВ, волисполкомы и сельсоветы принимают меры к их устранению, согласно положения и инструкции о крестьянских обществах взаимопомощи.

7. Постоянная взаимная связь между КОВ, волисполкомами и сельсоветами осуществляется:

а) заслушиванием докладов КОВ на заседаниях волисполкомов и сельсоветов (не менее одного раза в три месяца);

б) участием представителей КОВ на расширенных заседаниях и совещаниях волисполкомов и сельсоветов с правом совещательного голоса;

в) посылкой представителей волисполкомов и сельсоветов на заседания и собрания КОВ с правом совещательного голоса;

г) согласованием планов хозяйственной, культурной и прочих видов деятельности КОВ с соответствующими планами волисполкомов и сельсоветов.

8. Совместительство по руководству практической работой по советской и общественной линиям в одном лице не допускается.

Нар. Ком. Внутр. Дел РСФСР Белобородов.

Нар. Ком. Юстиции РСФСР Курский.

Нар. Ком. Соц. Обеспеч. РСФСР Наговицын.

Предс. Центр. Ком. Крест. Обществ Взаимоп. Авдеев.

13/18 ноября 1926 г.

Циркуляр № 215.

Всем краевым, обл. и губ. прокурорам.

Копия: прокурорам авт. республик.

О сроке давности для наложения административных взысканий за нарушения, предусмотренные статьями УК.

В виду поступления запросов с мест о сроке давности для наложения административных взысканий за нарушения, предусмотренные статьями УК, НКЮ разъясняет:

Согласно утвержденного Президиумом ВЦИК УК в новой редакции срок давности для наложения взысканий в административном порядке за нарушения, предусмотренные соответствующими статьями УК, установлен в размере одного месяца, в течение которого только и может иметь место наложение взысканий в административном порядке за указанные правонарушения (примеч. 3 к ст. 14 УК новой редакции, б. 21 ст. УК).

Зам. Народного Комиссара Юстиции

и Ст. Пом. Прокурора Республики Крыленко.

1 декабря 1926 г.

Циркуляр 216.

Всем краевым, обл. и губсудам *).

О перевыборах народных судей и нар. заседателей на 1927 г.

В связи с перевыборами нарсудей и нарзаседателей на предстоящий 1927 г. НКЮ считает необходимым дать краевым, областным и губернским судам следующие указания:

1. Имеющиеся в НКЮ материалы и, в частности, резолюции ревизионных совещаний по докладам председателей губсудов устанавливают, что при избрании народных судей на практике наблюдается недостаточно внимательное отношение к подбору кандидатов. На эти должности губсуды, на которых лежит обязанность представлять в губисполком кандидатов в нарсудьи, очень часто выдвигают лиц, весьма мало подготовленных к выполнению лежащей на нарсудье работы и недостаточно знакомых с действующим законодательством, в частности, с законодательством, касающимся вопросов граждан-

*) Циркуляр разослан губсудам 7 декабря 1926 г.

ского права, даже в тех минимальных размерах, которые установлены циркуляром НКЮ № 213 1923 г. Будучи избраны на должности нарсудей, указанные лица в очень скором времени обнаруживают свою неподготовленность к работе (нередко кассационная инстанция отменяет большой процент обжалованных приговоров и, в особенности, решений, вынесенных этими судьями), и руководящим органам губерний приходится их отзывать с занимаемых должностей и вновь избирать новых кандидатов.

В виду этого, НКЮ предлагает выдвигать на должности нарсудей только таких лиц, подготовка которых к занятию должности нарсудьи является твердо установленной, с тем, чтобы ни один кандидат, не удовлетворяющий указанным в законе требованиям, не представлялся на утверждение губисполкомов, под личной ответственностью председателя губсуда.

2. При избрании народных судей надлежит иметь в виду, что новое положение о горсоветах, изданное в 1925 г. («С. У.» 1925 г. № 91, ст. 66), право утверждать и отзывать нарсудей, ведущих городских участками в краевых, областных и губерньских городах, предоставляет горсоветам этих городов, в остальных же городах и поселках утверждение и отзыв нарсудей производится губисполкомом с обязательным заключением соответствующего местного совета (ст. 23 «С. У.» 1925 г. № 91, ст. 661).

Эти правила подлежат безусловному проведению в жизнь, несмотря на отсутствие соответствующих указаний в старом Пол. о судоустройстве (ст. 12). Новое Пол. о судоустройстве, утвержденное 3 сессией ВЦИК XII созыва, в этом отношении согласовано с полож. о горсоветах (ст. 16).

3. В отношении составления списков нарзаседателей суды должны строго придерживаться указаний, данных циркуляром НКЮ № 168 1924 г. Но при этом необходимо обратить особое внимание на то, что новое Пол. о судоустройстве РСФСР устанавливает, что избрание заседателей народного суда должно производиться на общих собраниях трудящихся, создаваемых фабзавкомом, воинскими частями и волсполккомом. На практике эта форма составления списков нарзаседателей применялась в ряде губерний уже раньше, но в настоящее время она предусмотрена законом и является безусловно обязательной.

4. Необходимо, чтобы губсуды приняли меры к тому, чтобы органы, на которых лежит избрание нарзаседателей, отнеслись с особой серьезностью к избранию в нарзаседатели лиц, вполне подготовленных к исполнению этих обязанностей. При этом необходимо отметить, что новое Пол. о судоустройстве рассматривает нарзаседателей, как необходимую составную часть суда, именуя нарзаседателей «переменным составом» суда, и что народные заседатели приравниваются этим положением на все время исполнения своих судебных обязанностей к народным судьям, и наравне с ними несут дисциплинарную и уголовную ответственность за проступки и преступления, совершенные в связи с исполнением этих обязанностей.

5. Имеющиеся в НКЮ сведения указывают, что на практике бывали нередко случаи избрания в число нарзаседателей неграмотных. Хотя наш закон никаких препятствий к этому не ставит, но нельзя упускать из виду, что большое количество дел, проходящих в нарсудах, в особенности дел гражданских, число которых с каждым годом возрастает, требует ознакомления со стороны всего состава суда с производством по делу и с имеющимися в нем документами и пр. Неграмотный же нарзаседатель не имеет возможности сам непосредственно рассмотреть эти материалы, что крайне затрудняет его работу и может весьма неблагоприятно отразиться на правильности разрешаемых им вопросов. В виду этого, вновь подтверждая необходимость вовлечения в судебную работу широких масс трудящихся, в частности, бедняцких и середняцких слоев крестьянства и женщин-работниц, а также представителей меньшинств там, где таковые имеются, и учитывая, что среди указанных категорий есть еще до сего времени значительный процент неграмотных, НКЮ все же считает необходимым настаивать на том, чтобы нарзаседатели избирались по преимуществу из грамотных.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

Член Коллегии НКЮ Бранденбургский.

3 декабря 1926 г.

Циркуляр № 217.

Всем край, обл. и губ. прокурорам.

О дополнении ц. НКЮ/НКВД № 79/173 о задержании и направлении граждан этапом.

Правила циркуляра НКЮ/НКВД № 79/173 с. г. о задержании и направлении граждан этапом имели своей целью: 1) прекратить случаи нецелесообразных и не вызывавшихся действительной необходимостью требований о задержании состоящих под следствием или судом граждан, и 2) установить этапный порядок направления последних, как исключительную меру; однако, данные Прокуратуры Республики свидетельствуют, что в ряде мест соответствующие органы до сего времени продолжают широко применять практику предъявления требований о задержании при возможности замены ареста (и этапа) другими менее тяжкими мерами пресечения (ст. 144 УПК) и даже подпиской о явке к следствию и суду (ст. 143 УПК).

Так, нередко случаи требований о задержании граждан: 1) обвиняемых по статьям УК, карательная санкция которых наряду с лишением свободы предусматривает и иные меры социальной защиты (ст.ст. 185, 187 УК и др.); 2) или, хотя и обвиняемых по другим, более серьезным статьям УК, но совершивших незначительное преступление (растрата нескольких десятков рублей, халатность, в результате которой не последовало каких-либо особо тяжелых последствий и т. п.); 3) при отсутствии оснований, указанных в ст. 158 УПК.

Наблюдаются также случаи, когда в требованиях о задержании вовсе нет указаний, в качестве кого (свидетеля или обвиняемого) должен быть препровожден данный гражданин (нарушение п. 1 упомянутого цирк. НКЮ и НКВД), и, наконец, часто отсутствует виза прокурора того места, откуда исходит требование о задержании и направлении этапом (нарушение п. 2 того же циркуляра). Характерной особенностью большинства вышеозначенных требований является то, что органы, предъявляющие их, рассматривают обыкновенно всякое отсутствие из места производства расследования привлеченного к ответственности лица как уклонение его от суда или следствия, без предварительной проверки этого обстоятельства.

На основании изложенного предлагается:

1) наблюдать, чтобы ни одно требование о задержании и препровождении этапом тех или иных граждан не направлялось с нарушением п.п. 1 и 2 цирк. НКЮ/НКВД № 79/173 сего года;

2) требования, предъявленные с указанными нарушениями, в виде общего правила оставлять без удовлетворения и доводить о сем до сведения соответствующего прокурора на предмет принятия необходимых мер в отношении лиц, предъявляющих требование, вопреки действующим правилам;

3) визы на требования о задержании и направлении этапом давать лишь после предварительного внимательного ознакомления со всеми обстоятельствами данного дела и основаниями предъявления указанных требований; в частности, по делам, обозначенным в п.п. 1 и 2 настоящего циркуляра, визу на задержание и направление этапом давать только в тех случаях, когда с достаточной очевидностью будет установлено, что обвиняемый действительно уклоняется от суда или следствия;

4) особое наблюдение иметь за тем, чтобы отсутствие обвиняемого из места производства о нем расследования рассматривалось как уклонение его от следствия или суда лишь после предварительной проверки этого обстоятельства.

Зам. Народного Комиссара Юстиции
и Ст. Пом. Прокурора Республики Крыленко.

4 декабря 1926 г.

Инструктивное письмо УКК Верх. Суда РСФСР

№ 2 1926 г.

Рассылается на основании ст. 6
каза УКК по утверждению его
През. Верх. Суда в заседании от
24 ноября 1926 г.
Предс. Верх. Суда РСФСР Стучиня.

Председателям главных, краевых, обл. и губ. судов.

Дорогие товарищи.

Опыт работы УКК за первую половину 1926 г. показывает, что суды недостаточно усваивают изложенные в предыдущих инструктивных письмах положения. Не останавливаясь на причинах этого, УКК считает нужным подчеркнуть необхо-

достоинство тщательного обсуждения каждого из выставляемых инструктивными письмами положений с целью добиться ясного и полного усвоения. Нужно помнить, что изложенные в инструктивных письмах УКК положения есть не что иное, как общая форма той линии судебной политики, которую проводит УКК в каждом отдельном определении по конкретному делу и то, что у судов часто встречается, как недочет в работе. Особенно важно полное усвоение и понимание основных принципов общей части Уг. Код. В этом отношении УКК в первую голову обращала внимание судов на то, что по каждому делу совершенно необходимо разрешить вопрос о наличии в действиях привлекаемых лиц состава преступления. УКК неоднократно оставалась на этом вопросе в определениях по конкретным делам, а также и в инструктивных письмах, при чем неизменно проводила ту точку зрения, что для выявления состава преступления в действиях какого-либо лица совершенно необходимо, чтобы эти действия были социально-опасны.

О ст. 6 УК.

Что такое преступление, указано в общей части УК в ст. 6? Преступление есть социально-опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и советскому правопорядку. Это необходимый признак каждого преступления, без которого преступление не может быть мыслимо. Особенная часть УК указывает признаки отдельных родов и видов преступлений, но вся совокупность признаков, указанных в особенной части УК, только тогда становится реальным преступлением, т.-е. действием, требующим применения мер социальной защиты в уголовном порядке, когда эти действия по своему существу социально-опасны, т.-е. реально угрожают основам Советской власти и советскому правопорядку. Суды в каждом конкретном деле этот вопрос обязаны себе поставить в первую очередь, дабы избежать формального подхода при применении мер социальной защиты.

Таким образом, когда суд разрешает вопрос о необходимости применения к действиям привлеченных к делу лиц мер социальной защиты, в первую голову должен он оценивать социальную опасность этих действий. Если вопрос о социальной опасности разрешен положительно, т.-е. если суд придет к убеждению, что оцениваемые действия социально-опасны, он должен разрешить вопрос о квалификации этих действий по той или другой статье особенной части УК, имея в виду, конечно, и ст. 10 УК.

В этом отношении судам всегда следует помнить постановление Верхов. Суда от 28 июня 1926 г. о ст. 4-а УПК. Сущность этого постановления заключается в стремлении искоренить взгляд на преступление, как на формальное нарушение уголовного закона, внедрить в сознание всех наших судебных работников, что преступлением может быть только действие социально-опасное, и тем самым не допустить возможности предания суду и в дальнейшем вынесения обвинительных приговоров за действия, не заключающие в себе того минимума социальной опасности, который в силу ст. 6 УК является необходимым свойством преступления.

В постановлении пленума проведены два признака, указывающие на отсутствие в действиях лиц минимума социальной опасности: явная малозначительность и отсутствие вредных последствий. Таким образом, разрешая вопрос о необходимости применения к привлеченным по делу лицам мер социальной защиты, суды обязаны оценивать их действия с точки зрения наличия или отсутствия этих признаков.

В особенности часто суды ошибаются в вопросе о наличии социальной опасности при рассмотрении дел о мелких должностных преступлениях, при чем ошибка эта заключается в том, что не оправданном расширении понятия преступления.

В этом отношении надлежит заметить следующее. Для определения того, являются ли данные действия преступлением или дисциплинарным проступком, громадное значение имеет выяснение мотивов совершения рассматриваемых судом действий. Личные, в особенности корыстные, мотивы чаще всего служат решающим признаком, по которому действия следует отнести к должностным преступлениям.

Исключением из этого общего правила могут быть только самые мелкие корыстные действия, где множественность последствий ставит под сомнение социальную опасность и действия и личности, их совершившей (растрата и подлог, примерно, в пределах 10 руб.). В отношении этих мелких корыстных (и их личной заинтересованности) нарушений порядка службы меры дисциплинарного воздействия — вполне достаточное и надежное средство.

Кроме того, суды, рассматривая дела о должностных преступлениях, в случае сомнения в наличии в действиях привлеченных к делу лиц социальной опасности, вообще должны

ставить вопрос о возможности ограничиться для данного конкретного случая мерами дисциплинарного воздействия.

Обращаясь к цифрам дел, прекращенных в 1926 году за отсутствием состава преступления и по 4-а ст. УК, мы увидим, что по предварительным подсчетам средний процент таких дел будет не менее 6, при чем по отдельным судам процент этот поднимается до 10. Если учесть, что в числе этих дел попадаются, например, осужденные на следователя по ст. 116 УК за то, что он в сведениях прокурору преувеличил число законченных производством дел за месяц, или осужденные заведующего магазином за то, что он приволок 6 руб. 40 коп. из выручки магазина, при чем присвоенная сумма полностью им была похвачена, то актуальность и своевременность затронутого выше вопроса не может вызвать никаких сомнений.

О ст. 15 УК.

Следующий основной вопрос общей части УК, на котором УКК считает необходимым остановить внимание судов, это вопрос о применении мер социальной защиты за пособничество. Практика знает и твердо стоит на различении двух видов пособничества: пособничество совершению преступления и пособничество в виде сокрытия следов уже совершенного преступления или личности преступника. Второй вид пособничества на практике в полном соответствии с его сущностью является укрывательством.

По закону (ст. 15 УК) меры социальной защиты за пособничество обоих видов, равно как и за самое исполнение преступления и подстрекательство к нему, определяются: степенью участия в преступлении и степенью опасности преступника и совершенных им преступлений. Таким образом, в каждом отдельном случае суд должен оценить эти моменты и сопоставить с ними назначенные мер социальной защиты.

Опыт работы УКК показывает, что в отношении второго вида пособничества (укрывательства) суды часто назначают слишком суровые меры социальной защиты. Причиной этому, очевидно, служат переоценка судами степени социальной опасности пособников-укрывателей. Оставляя в стороне отдельные, сравнительно редкие случаи, когда пособникам может быть назначена равная и даже более суровая мера социальной защиты в полном соответствии с основными началами общей части УК, следует признать, что по общему правилу меры социальной защиты за пособничество и укрывательство должны быть мягче, чем за исполнение или подстрекательство.

В особенности надо быть осторожным при назначении мер социальной защиты в отношении укрывателей близких родственников преступника. Социальная опасность действий этого рода при существующих социально-экономических условиях очень мала. Поэтому в отношении укрывателей близких родственников (см. п. 8 ст. 23 УПК) в полной мере и по возможности распространительно следует понимать те директивы, которые даны директивным письмом УКК № 1 о применении ст.ст. 28 и 36 УК.

Рекомендуя судам этот подход к пособникам-укрывателям, УКК вместе с тем считает нужным оговорить, что огульное применение мягких мер социальной защиты в отношении их, конечно, недопустимо. В отдельных случаях, исходя из указанных в ст. 15 УК положений, можно и должно назначать им жесткие меры социальной защиты. Случаи эти чаще всего могут иметь место тогда, когда какое-либо преступление принимает массовый характер, что на первый план выдвигает общее предупреждение как цель назначения мер социальной защиты (напр., развитие бандитизма в данной местности, разгром, краж скота, поджогов и т. п.).

Здесь же не лишнее будет отметить, что в отношении подстрекателей в общем и целом мера социальной защиты должна быть суровой, чем в отношении исполнителей, так как подстрекатели, т.-е. лица, склонившие к совершению преступления, так общее правило, более социально опасны, однако, и в отношении этой группы соучастников, суды, конечно, должны оценивать подробно и взвешенно степень участия в преступлении, исходя из особенностей каждого отдельного случая.

Следующий вопрос, имеющий весьма важное значение — это вопрос об исполнении тех требований, которые содержатся в определении УКК по какому-либо конкретному делу.

О ст. 439 УПК.

Согласно ст. 439 УПК, указанный УКК обязательно для того губсуда, к которому они относятся. УКК подчеркивает необходимость безоговорочного исполнения требований закона в этом отношении. К сожалению, это иногда не выполняется и в конечном итоге влечет за собой отмену приговора во второй раз. Естественно, что УКК не может оставить в силе тот приговор, который вынесен без выполнения тех следственных действий, выполнение которых УКК считало необходимым

и существенным для выяснения истины. УКК вновь отменяет приговор и передает на новое рассмотрение, а это совершенно недопустимая трата сил и средств судебного аппарата и дальше терпеть быть не может. УКК категорически предлагает точно и строго выполнять все ее указания.

О детоубийстве и ст. 142 Уг. К.

Перейдем теперь к вопросам особенной части УК. Из них в первую голову надлежит остановиться на вопросе о детоубийстве или, вернее, об убийстве матерью своего ребенка при рождении. Это — особый вид убийства, по которому практика судов при назначении мер социальной защиты крайне разнообразна и для выявления подхода УКК к этому вопросу, надлежит сказать следующее: по внешним признакам убийство матерью своего ребенка при рождении подходит под пп. «д» и «е» ст. 142 УК и потому, казалось бы, требует соответствующей меры социальной защиты.

Однако, сущность этого преступления и степень его социальной опасности резко расходятся со всеми остальными преступлениями, предусмотренными ст. 142 УК, в том числе и пп. «д» и «е» этой статьи. Опыт работы УКК показывает, что в громадном большинстве случаев убийство матерью своего ребенка при рождении является следствием трех причин: 1) острой материальной нужды матери, обрекающей ее и ребенка на голодное существование; 2) острого чувства стыда под давлением невежественной среды, создающей в будущем невыносимую жизнь матери и ребенку; 3) болезненной психики, безусловно распятой как самими родами, так в особенности в таких случаях обстановкой (роды без посторонней помощи, в одиночестве, часто в сарае или где-либо в этом роде и т. п.).

Именно эти причины заставляют мать, преодолевая прищипку ей инстинктов материнства, совершить подобное преступление. Исходя из этих соображений, УКК считает, что назначение суровых мер социальной защиты за эти преступления не может дать никаких результатов. Борьба с этим явлением должна идти не столько по пути уголовной репрессии, сколько по пути улучшения материальной обеспеченности женщин-одиночек и изживания вековых предрассудков, еще глубоко корнящихся, в особенности в крестьянских массах.

Эти соображения тем более справедливы, что детоубийство или в какой мере не может быть признано явлением, имеющим массовый характер, и что нет никаких оснований утверждать об угрожающем развитии этого социально-опасного явления.

Поэтому УКК считает нужным, если подобного рода преступление совершено впервые и вызвано указанными выше причинами, за преступления этого рода назначать меру социальной защиты в виде лишения свободы на минимальные сроки или ставить вопрос об условном осуждении, так как УКК считает, что указанные выше причины в весьма значительном числе случаев целиком подойдут под то «тяжелое состояние обстоятельств», которое указано как необходимое условие применения ст. 36 УК, а совершение этого преступления впервые вместе с отсутствием опасности осужденного для общества и подавляющее большинство случаев дополняет собой все остальные признаки, допускающие применение условного осуждения. УК, исходя из указанных соображений и судебной практики, одновременно входит о предложением об изменении санкции соответствующей статьи УК в отношении случаев детоубийства при родах.

К изложенному УКК считает нужным сделать следующую оговорку. Назначение столь мягких мер социальной защиты за убийство матерью своего ребенка при рождении УКК считает возможным и целесообразным исключительно в тех случаях, когда убийство это было результатом действия указанных выше причин и, кроме того, при действии второй из указанных причин (стыд и влияние среды) только в случае очень низкого культурного уровня матери. Если же преступление совершено достаточно культурной матерью и притом при сравнительно благоприятных материальных условиях, то УКК не видит никаких оснований для применения указанных выше мягких мер социальной защиты. Кроме того, конечно, нет оснований применять мягкие меры социальной защиты в тех случаях, когда убийство совершено с проявленным особой жестокости или совершено повторно, т. е. матерью, уже подвергавшейся мерам исправительно-трудового воздействия за тождественное преступление, что свидетельствует о повышенной социальной опасности матери, совершившей такое убийство. Для того, чтобы закончить с вопросом о детоубийстве, к сказанному надлежит добавить следующее. Все соображения о необходимости мягкой репрессии в отношении матерей, отсюда не могут применяться к другим лицам. Подстрекательство к убийству матерью своего ребенка и соучастие

в убийстве, в особенности, если оно вызвано корыстными соображениями, должно рассматриваться судом, как обычное убийство со всеми вытекающими из этого последствиями.

О ст. 88 УК.

Ст. 88 УК предусматривает публичное оскорбление отдельных представителей власти при исполнении ими своих служебных обязанностей. Кого подразумевать под представителями власти, УК не указывает, однако, ясно, что понятие «представитель власти» значительно уже, чем понятие «должностное лицо». Между тем, жизнь знает немало случаев оскорбления таких должностных лиц госаппарата, которые, не являясь представителями власти, выполняют настолько важные общественные функции, что это делает совершенно необходимым создать для их работы наиболее благоприятные условия. Сюда в первую очередь относятся состоящий на государственной службе медицинский и ветеринарный персонал, агрономы и проч. Циркуляры НКЮ и Верх. Суда № 113/6 и 190/10 уже разъяснили, что оскорбление словами или действиями ими своих служебных как административных, так и профессиональных обязанностей должно квалифицироваться по ст. 10 и ст. 88 УК. УКК подчеркивает необходимость соблюдения этого, так как безнаказанность подобного рода явлений мешает этим лицам с необходимым спокойствием выполнять в высшей степени важные общественные задачи.

О ст. 109 УК.

Следующий вопрос особенной части УК касается круга лиц, осужденных по ст. 109 УК. Об этой ст. УК говорилось уже в одном из инструктивных писем УКК. Сущность разъяснений УКК по ст. 109 УК сводилась к тому, что по этой статье надлежит квалифицировать только такие дискредитирующие власть действия должностных лиц, которые целиком же подходят под признаки других преступлений, указанных в особенной части УК. Опыт работы УКК за первую половину 1926 г. показывает, что в этом отношении указания УКК достигли цели. Однако, тот же опыт УКК с несомненностью установил разноречивую судебную практику в вопросе о круге лиц, осужденных по ст. 109 УК.

Суды очень часто осуждают по этой статье технических работников государственного аппарата, при чем таких работников, которые по своей сущности ни в коем случае не могут быть пазаны представителями власти. Так, например, УКК знает много случаев осуждения за дискредитирование власти наемных секретарей сельсоветов, касовщиков ВИК'а, делопроизводителей ВИК'а, фельдшеров и проч.

Преследование этих лиц в уголовном порядке за дискредитирование власти не вытекает из требований ст. 109 УК и вообще совершенно бессмысленно. Самые дискредитирующие действия в громадном большинстве случаев выражаются в пьянстве пьяными на улице, в учинении пьяного скандала и т. п. В этих случаях в отношении технических работников низового государственного аппарата вполне действительными и совершенно достаточными средствами воздействия могут явиться меры административного воздействия или привлечение по ст. 176 УК. Вообще УКК считает, что преследование в уголовном порядке по ст. 109 УК работников низового государственного аппарата только в отношении лиц, являющихся представителями власти на местах в тесном смысле этого слова. Сюда в первую голову надлежит отнести лиц, занимающих выборные должности в советах (председатель ВИК'а, его члены, председатель сельсовета и его члены), а затем милицию, агентов уголовного розыска, финансового инспектора и им подобных лиц.

Во всяком случае, недопустимо применение ст. 109 УК в отношении всех должностных лиц хозяйственных учреждений и кооперативных организаций сельского и волостного (районного) масштаба.

Далее УКК считает нужным остановиться на некоторых вопросах уголовного процесса.

О ст. 178 УК.

Здесь, прежде всего, следует обратить внимание на привлечение свидетелей по ст. 178 УК в судебном заседании. УКК знает много случаев мотивированных определений о привлечении к ответственности за лжесвидетельство. Чаще всего определение суда в этом отношении ограничивается только изложением общих признаков лжесвидетельства: усматривая, что показания такого-то свидетеля заведомо ложны, привлечь его к ответственности по ст. 178 УК «для чего» и т. д.; какие показания свидетеля заведомо ложны и почему суд пришел к выводу о заведомой их ложности, в определениях почти никогда не указывается. Проверка в кассационно-ревиссионном порядке дело, УКК при таких условиях зачастую лишена воз-

возможности понять, почему именно суд считает необходимым привлечение к ответственности за лжесвидетельство такого-то свидетеля. УКК обращает внимание судов, что привлечение свидетеля к ответственности за лжесвидетельство, связано с исключением из числа доказательств по делу тех его показаний, которые признаны судом явно ложными. Поэтому УКК считает необходимым, чтобы суды подробно мотивировали определение о привлечении к ответственности свидетелей, при чем в этих определениях обязательно указывали бы, какие именно показания привлекаемого к ответственности свидетеля суд считает заведомо ложными. Кроме того, УКК считает нужным разъяснить, что привлечение к ответственности за лжесвидетельство может иметь место не тогда, когда налицо простое противоречие в показаниях свидетеля. Простое противоречие в показаниях свидетеля—явление обычное, в особенности, если между допросами проходит значительный промежуток времени, оно вполне может быть объяснено добросовестным заблуждением со стороны свидетеля под влиянием самых разнообразных причин.

В силу этих соображений УКК предлагает судам очень осторожно и вдумчиво относиться к привлечению к ответственности за лжесвидетельство, тщательно исследуя в первую голову мотивы возможного лжесвидетельства, а затем вообще все то, что указывает на заведомость ложного показания.

О предварительном следствии по 149 ст. Уг. К.

Следующий вопрос уголовного процесса, на котором следует остановиться,—это вопрос о предварительном следствии по ст. 149 УК. Практика УКК показывает, что суды, рассматривая обвинительные заключения по ст. 149 УК, по правилам ст. ст. 236 и след. УПК, очень часто не обращают достаточного внимания на качество проделанной следователем работы. Между тем, согласно только что упомянутых статей, суд имеет право и обязан подробно оценить эту работу и в случае необходимости направить дело к доследованию. Главнейшие ошибки предварительного следствия по ст. 149 УК, как это можно установить на основании практики УКК, заключаются в следующем. Прежде всего, предварительное следствие по этой статье зачастую производится спустя значительное время после совершения преступления. По делам этого рода это в особенности недопустимо. В подавляющем большинстве случаев улики по делам о ст. 149 заключаются в свидетельских показаниях очевидцев. Показания эти имеют ценность только тогда, когда они даются сейчас же после совершения преступления, когда каждый из очевидцев показывает на основании непосредственно воспринятого, а не на основании тех слухов, разговоров и проч., что всегда имеет место после преступления и невольно влияет на показания очевидцев. Следовательно, по делам о ст. 149 УК быстрота выполнения основных следственных действий есть единственно надежная гарантия раскрытия истины.

Далее, предварительное следствие по ст. 149 УК весьма часто грешит невнятенностью роли каждого отдельного обвиняемого. Общая картина преступления устанавливается более или менее тщательно, а роль каждого отдельного обвиняемого ни по материалам дела, ни по обвинительному заключению не выяснена. Между тем, без выяснения этого ни в коем случае нельзя признать, что предварительное следствие проведено с достаточной полнотой. УКК отлично учитывает трудность расследования по делам по ст. 149 УК, по делам, по которым преступления совершаются в большинстве случаев в драке-свалке, часто между значительным числом лиц, однако, трудность проведения предварительного следствия отнюдь не может оправдывать неполноту следствия. Нужно подробно и тщательно выявить роль каждого из участников преступления. Если следователем это не сделано, суд должен направить дело к доследованию. Наконец, последнее замечание о предварительном следствии по ст. 149 УК. Замечание это касается и предварительного и судебного следствия. Практика УКК показывает, что суды и следственные органы очень часто совершенно безмотивно отказывают обвиняемым в вызове свидетелей или истребовании доказательств. Бывали случаи отказа в вызове таких свидетелей, которые должны были установить «алиби» обвиняемого («алиби», т.е. установление нахождения лица в другом месте).

УКК отмечает, что отказ подобного рода в особенности часто имел место в отношении дел по ст. 149 УК. А, между

тем, сложность установления основных моментов дела по ст. 149 УК и, в частности, роли и участия каждого отдельного обвиняемого, требует самого осторожного подхода к подобному рода ходатайствам. Во всяком случае, отказ в ходатайстве должен быть мотивирован судом согласно требований ст. ст. 233—254, а следовательно, согласно требований ст. 114 УПК.

О гражданском иске.

Далее УКК считает нужным отметить необходимость вдумчивого и серьезного отношения к вопросам гражданского иска в уголовном процессе. УКК в предыдущих письмах уже останавливался на этом. Подтверждая все сказанное ранее УКК в настоящем письме обращает внимание судов на следующую, зачастую встречающуюся их ошибку. Согласно ст. 14 УПК, только потерпевший, понесший от преступного деяния вред и убытки, имеет право на предъявление к удовлетворению гражданского иска. Между тем, суды в некоторых случаях удовлетворяют гражданский иск лиц, которые непосредственно от преступления не потерпели. Чаще всего это бывает в отношении трудоспособного отца или матери, предъявляющих иск за убийство сына на том основании, что сын являлся работником крестьянского двора и что убийство сына нанесло ущерб хозяйству двора в целом. Нужно помнить, что только лица, находящиеся на издании убитого или имеющие право на таковое, могут быть допущены в качестве гражданских истцов. Во всех остальных случаях гражданским истцом может быть только потерпевший.

О личности осужденного.

УКК уже указывала на необходимость в приговоре подробно обрисовывать личность подсудимого. К сожалению, эти указания выполняются не всеми судами. Подтверждая все ранее сказанное по сему поводу, УКК подчеркивает важность подробного выяснения по делу имущественного положения подсудимого, равно его прошлой деятельности. В особенности важно расследовать по делу, судится ли подсудимый при Советской власти в первый раз, или судился ранее, при чем, если судился при Советской власти, то указать точно, когда и за что, какая мера социальной защиты назначена и отбыл ли ее подсудимый. Между тем, суды часто в приговоре пишут: «ею слов судился», «судим, но был оправдан», просто «судился» и т.п. Этого впрямь допускать не следует.

Кроме того, по делам о контр-революционных преступлениях периода гражданской войны необходимо точно выяснять и указывать в приговоре занятия и образ жизни подсудимого в течение последующих лет после совершения преступления.

О предварительном заключении.

Следующий вопрос, на котором УКК считает необходимым остановиться,—это вопрос о задаче предварительного заключения.

Дело в том, что в кассационных жалобах часто встречаются указания на неправильное исчисление срока предварительного заключения, а УКК не может проверить правильность этих указаний, так как в деле об этом нет сведений или крайне трудно отыскать их. Для того, чтобы в будущем иметь возможность проверить в этом отношении жалобщиков, УКК предлагает при опросе подсудимого председателем следствия о его личности, обязательно выяснять время, проведенное им в предварительном заключении, и заносить это обстоятельство в протокол судебного заседания с указанием срока предварительного заключения.

Последний вопрос, на котором УКК считает нужным остановиться, заключается в следующем. Несмотря на указания в одном из инструктивных писем, суды продолжают при вынесении обвинительных приговоров к краткосрочному лишению свободы (до одного года) в качестве меры пресечения до вступления приговора в законную силу избирать меру пресечения в виде заключения под стражу. Нужно помнить, что это допустимо только по тем делам, где цель общего предупреждения преступлений требует этого (например, при развитии хулиганства в данной местности). Во всех других случаях этого впрямь суды не должны делать.

Но даже в тех случаях, когда суды по только что изложенным причинам придут к заключению о необходимости назначения мер пресечения в виде заключения под стражу, они должны подробно мотивировать свое определение об этом.

Председатель УКК Верховного Суда РСФСР Чельшев.

Ответственный Редактор: Нар. Ком. Юст. Д. Курский.

Издатель { Юридическое Издательство
ННЮ РСФСР.

Редакционная Коллегия

Н. Крыленко.
Я. Бранденбургский.
С. Праушицкий.